SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Р. И. Сементковский
  -
  - Введение
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Р. И. Сементковский
Е. Ф. Канкрин
Его жизнь и государственная деятельность
Биографический очерк
С *портретом Канкрина, гравированным в С.-Петербурге К. Адтом*

“Фарисей благодарит Бога за то, что у него больше, чем у других, и успокаивается на этом, но у меня сердце обливается кровью: все еще существуют рабы, крепостные, ирландские крестьяне, английские фабричные рабочие и пролетарии более или менее везде... Я сделал что мог”.

Канкрин

Введение

Граф Егор Францевич Канкрин признается самым замечательным из русских министров финансов. Эту славу он приобрел недаром. Достаточно указать на две его заслуги, чтобы понять, какое громадное значение он имел для русской государственной и народной жизни: во-первых, благодаря его финансовым и административным способностям, Отечественная война – эта грандиозная катастрофа в жизни русского народа – обошлась в денежном отношении неимоверно дешево, и поэтому графа Канкрина несомненно следует причислить к героям нашей Отечественной войны наряду с теми героями, которые на полях битвы стяжали себе благодарность потомства; во-вторых, он совершил то, чего не удалось совершить ни до, ни после него ни одному из русских министров финансов: он восстановил денежную нашу систему, расстроенную до последней крайности и вызывавшую бесчисленные жертвы в народном хозяйстве, – восстановил ценность нашего рубля после беспримерного его падения. Этих двух заслуг было бы достаточно, чтобы увековечить его имя в русской истории. Но его жизнь и деятельность чрезвычайно интересны и глубоко поучительны еще и в других отношениях. Граф Канкрин жил и действовал в такое время, когда личная инициатива играла весьма слабую роль, когда, казалось, весьма трудно было занимать на государственной службе видный пост и при этом сохранить полную свою самостоятельность. В этом отношении Канкрин представляет собой деятеля совершенно исключительного. В николаевское время он не только остался верен себе с начала до конца, ни на йоту не изменил своим убеждениям, но сумел добиться их торжества в жизни, не подчиняясь никому, а, напротив, заставляя других подчиняться себе. Глубокая поучительность жизни и деятельности Канкрина выяснится еще более, если мы прибавим, что он в течение всей своей жизни боролся не из-за личных выгод, а для идеи, для народной пользы, как он ее понимал, и никогда не прибегал к каким бы то ни было недостойным приемам, к лести, интригам. Напротив, он всегда был правдив и честен не только в целях, которые преследовал, но и в средствах, которые применял. С этой точки зрения Канкрина можно назвать идеальным деятелем. Когда он был министром финансов, все подкапывались под него, все против него интриговали: этим интригам и козням он противопоставлял *дело,* и этот аргумент оказался столь непреложным и сильным, что Канкрин сохранил свое влиятельное положение до той минуты, когда старость и

болезнь вычеркнули его из рядов работников на пользу народную. Все это заставляет нас причислить Канкрина к замечательнейшим деятелям первой половины XIX века. Он был не только выдающимся министром финансов, но и цельным характером в лучшем значении этого слова, никогда не вступавшим в сделки со своею совестью и горячо, по своему разумению, защищавшим благо народа. В этом отношении личность его заслуживает особенного внимания: политические, экономические и финансовые его теории во многом оказавшиеся несостоятельными, были уже несостоятельны в его время и поэтому могут быть без всякого вреда для потомства забыты; его экономическая деятельность, основанная на этих теориях, также оказывается несостоятельной во многом, хотя в других отношениях она, как мы видели, и дала блестящие результаты; но его преданность народному делу, его умение служить ему, его выдержка, поистине заслуживающая названия железной, приемы, при помощи которых он добивался своей цели в самое трудное и неблагоприятное для проявления личной инициативы время, будут еще долго, если не всегда, служить достойным подражания примером. Если же принять еще во внимание, что он был иностранец и до конца своей жизни даже не научился правильно писать и говорить по-русски, то деятельность его представится нам поучительной еще и в другом отношении: мы увидим, что может сделать для России даже человек, лишенный чувства патриотизма в физиологическом значении этого слова, когда его воодушевляет идея народного блага, когда он умеет служить ей и готов жертвовать для нее всеми другими интересами. Вот с этой точки зрения я и постараюсь познакомить читателей с жизнью и деятельностью Егора Францевича Канкрина.

Представить полную его характеристику в тесных рамках общедоступной биографии – задача нелегкая. Канкрин ждет еще своего биографа: ему в этом отношении посчастливилось меньше, чем Сперанскому и Мордвинову, нашедших себе более или менее компетентных биографов. Жизнеописания Канкрина, весьма немногочисленные, отличаются краткостью, односторонностью, скудостью данных. Чтобы ознакомить читателей с литературою этого вопроса и дать им возможность ориентироваться в ней, мы коснемся здесь тех трудов, которыми мы сами пользовались при составлении этого биографического очерка. Первое место тут занимают, понятно, сочинения самого Канкрина. Мы приводим их в хронологическом порядке, потому что до сих пор полного списка их в нашей литературе нет.

1. Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen

Freiheitskriege, в двух частях, Altona, 1797 и 1798 (“Дагобер, роман из теперешней войны за освобождение”).

2. Fragmente uber die Kriegskunst nach Gesichtspunkten der Militarischen Philisophi, St.-Petersburg, 1809; второе издание вышло в Брауншвейге (“Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии”).

3. Weltreichrum, Nationalreichtuin und Staatswirtschaft, Munchen, 1821 (“Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство”).

4. Ueber die Militar-Oekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wech-selverhaltniss zu den Operationen, St.-Petersburg, 1820 – 1823 (“О военной экономии во время мира и войны и ее отношении к военным операциям”).

5. Die Elemente des Schonen in der Baukunst, St.-Petersburg, 1836 (“Элементы прекрасного в зодчестве”).

6. Phantasiebilder eines Blinden, Berlin, 1845 (“Фантазии слепого”).

7. Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaft und das Finanzwesen, von einem ehemaligen Finanzminister, Stuttgart, 1845 (“Экономия человеческого общества и финансов, соч. бывшего министра финансов”. Это единственное сочинение Канкрина, под предисловием которого поставлена фамилия автора).

8. Aus den Reisetagebuchern des Grafen Kankrin. Aus den Jahren 1840 – 1845. Mit einer Lebensskizze Kankrin's, herausgegeben von A. Grafen Keyserling, Braunschweig, 1865 (“Из путевых дневников графа Канкрина 1840 – 1845 гг. с биографическим очерком Канкрина. Издание графа А. Кейзерлинга”).

9. Im Ural und Altai. Brifewechsel zwischen A. Humboldt und dem Grafen Kankrin, aus den Jahren 1827 – 1832, Leipzig, 1869 (“На Урале и Алтае, переписка между А. Гумбольдтом и графом Канкриным, 1827 – 1832”).

10. Из числа более обстоятельных записок, составленных Канкриным, особенного внимания заслуживают: а) “Recherches sur Torigine et Tabolition du vasselage ou de la feodalite des cultivateurs, surtout en Russie”, 1816 (“Исследование о происхождении и отмене крепостного права, или зависимости земледельцев, особенно в России”. “Русский архив” за 1865); б) Записка “относительно походов против турок от 21-го августа 1819 г.”. “Военный сборник”, т. 99; в) “Замечания

министра финансов графа Канкрина" на проект учреждения для управления губернии 1825 г. в "Материалах, собранных для комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений", 1870, ч. 1.

Во всей русской и иностранной литературе существует только одно сколько-нибудь обстоятельное жизнеописание Канкрина, составленное его зятем, графом Кейзерлингом. Оно изложено на пятидесяти страницах, разгонисто напечатанных, и, конечно, несколько односторонне, так как принадлежит близкому родственнику. К тому же оно неполно: объять и оценить обширную научную, литературную и государственную деятельность Канкрина на немногих страницах немыслимо. Биография графа Кейзерлинга помещена, как указано, в виде предисловия к путевым дневникам самого Канкрина. Краткое извлечение из этой биографии с немногими дополнениями читатель найдет в "Русском архиве" за 1866 год. Вторая, несколько более подробная, оценка *деятельности* графа Канкрина (но не биография) принадлежит неизвестному автору и помещена в "Journal de St. Petersbourg" за 1860 год (№ 137 – 143) под заглавием "George Cancrine". Наконец третья, опять-таки очень краткая, биография вошла в книги г-на Скальковского: "Наши государственные и общественные деятели" и "Les ministres des finanses de la Russie", 1891 года, пользовавшегося преимущественно двумя первыми жизнеописаниями с присоединением весьма неполных данных из наших исторических журналов. Все остальные жизнеописания Канкрина ("Очерк жизни и деятельности графа Канкрина", СПб., 1866 г., и разные некрологи и статьи, помещенные в русских журналах и газетах: в "Библиотеке для чтения" за 1864 год, в "Отечественных записках" за 1865 и 1866 годы, в "Иллюстрированной газете" за 1866 год, во "Всемирной иллюстрации" за 1874 год, в "С.-Петербургских ведомостях" за 1865 и 1866 годы, в "Русском архиве" за 1867 год, в "Деятельности" за 1868 год и т.д.) не содержат почти никаких новых данных или соображений, кроме тех, которые встречаются в вышеупомянутых биографиях. Отсюда видно, как неполна работа по освещению жизни Канкрина. Оценка его финансовой деятельности, в частности, имеет более обширную литературу, но и она должна быть признана весьма недостаточной. Внимательное чтение по возможности всех журнальных и газетных статей, посвященных этому вопросу, убедило нас, что при критике финансовой деятельности Канкрина имелись главным образом в виду только две точки зрения: одни осуждали, другие хвалили Канкрина за его протекционные стремления. С

этой стороны и писали преимущественно о Канкрине. Вопрос о восстановлении металлического обращения имеет также очень скромную литературу. Самый полный труд принадлежит остзейскому немцу, г-ну Шмидту. Это – его магистерская диссертация: “Das russische Geldwesen wahrend der Finanzverwaltung des Grafen Cancrin”[1], СПб., 1875 г. Затем мы можем указать на статью проф. Бунге: “Мысли графа Канкрина о бумажных деньгах”, помещенную в “Русском вестнике” за 1864 год, и на общие исследования по нашему денежному обращению (Горлова, Кауфмана, Гольдмана, Безобразова, Бунге, Брикнера и др.). Совершенно не разработан вопрос о деятельности Канкрина по продовольствованию нашей армии во время Отечественной войны. Эта деятельность, доставившая Канкрину видное место в ряду наших администраторов, осталась покрытой густым мраком. Наконец ни один из биографов графа Канкрина не попытался еще сколько-нибудь всесторонне осветить общее его миросозерцание и его личность, представить объективную ее характеристику, так что приходится собирать отрывочные данные, разбросанные понемногу везде, чтобы составить себе более или менее ясное представление о личных качествах и недостатках этого выдающегося русского государственного деятеля первой половины XIX века. Попытаемся же объединить все эти материалы и, устранив из них все непроверенное или очевидно ложное, представить, насколько возможно, полную характеристику жизни и деятельности самого замечательного из русских министров финансов.

Глава I

Происхождение Канкрина. – Его отец. – Детство и студенческие годы. – Роман Канкрина. – Его приезд в Россию. – Жизненные невзгоды. – Канкрин и Аракчеев. – Кто, собственно, составил план кампании 1812 года. – Назначение Канкрина генерал-интендантом

Канкрин родился 16 ноября 1774 года, хотя он сам праздновал день своего рождения 26 ноября, соединяя его с именинами. Родиной его был немецкий городок Ганау в тогдашнем Гессенском курфюршестве. О происхождении Канкрина существуют две версии: Вигель в своих “Воспоминаниях”, Рибопьер в своих “Записках”, Дизраэли в своем знаменитом романе “Coningsby” приписывают ему еврейское происхождение; Вигель даже прямо утверждает, что дед его был ученый раввин. На самом деле Канкрин был не еврей, а немец. Дед его был горным чиновником, предки – пасторами и офицерами. Догадка о еврейском происхождении Канкрина сложилась, вероятно, отчасти вследствие естественной склонности евреев причислять к своим соплеменникам кого только можно, отчасти вследствие того, что Канкрин действительно соединял в себе много характеристических черт еврейского племени: у него был живой темперамент, чрезвычайно острый ум, он любил науку и литературные занятия и в то же время отлично уяснял себе требования реальной жизни, был чрезвычайно практичен, расчетлив и вместе с тем увлекался поэзией, искусством, любил прекрасное во всех его проявлениях, а сам производил далеко не эстетическое впечатление как своими резкими, угловатыми манерами, так, главным образом, небрежностью в костюме.

Отец его, Франц Людвиг Канкрин, был очень видным деятелем своего времени, хотя и в узкой только специальности. Его сочинения по технологии, архитектуре, горному делу, юридическим вопросам составляют маленькую библиотеку, – так они многочисленны. Из них некоторые сохранили значение и до сих пор, как, например, его труд о “Горном соляном деле” и о “Правах владельцев земли на прилегающие к ним водные пространства” (“Abhandlung vom Wasserrecht”).[2] Благодаря своим глубоким знаниям, теоретическим и практическим, он скоро выдвинулся в служебной иерархии своего отечества, Гессенского курфюршества, но резкий и суровый его нрав повредил дальнейшей его карьере. Он плохо уживался с порядками, господствовавшими при мелких германских дворах.

Между одной из придворных дам, любимицей курфюрста, и женой Канкрина-отца произошла размолвка, кончившаяся тем, что он подал немедленно в отставку и перебрался на службу к маркграфу в Ансбах, где заведовал горным, соляным и строительным делами: многочисленность германских дворов служила, как известно, до некоторой степени коррективом "отеческих" отношений, господствовавших при этих дворах. Впрочем, Канкрин-отец отличался, должно быть, по выражению его сына, уж очень "строптивым нравом", потому что он и в Ансбахе плохо ужился и, несмотря на крайнее нерасположение переселиться в "отдаленную и варварскую" Россию, воспользовался сделанным ему русским правительством предложением и в 1783 году переселился в наше отечество, оставив малолетнего сына на родине.

Предложение ему было сделано блестящее, что свидетельствовало о том, что он приобрел громкую известность как замечательный техник: ему назначено было жалованье в 2 тысячи руб., подъемных – 3 тысячи и на случай его смерти вдове – пенсия в 2 тысячи руб. По тогдашнему времени это были значительные деньги. Есть указание, что в России, тотчас по приезде Канкрина-отца, его знания ценились высоко. Так, например, в бумагах Н. В. Сушкова сохранилась собственноручная записка Екатерины II Храповицкому следующего содержания: "1784 г. 21 декабря. Канкрейну показать лесной заготовленный устав". Отсюда можно вывести заключение, что Канкрин-отец привлекался к участию в работах по изданию нашего законодательства технического характера. С другой стороны, граф Безбородко писал о нем его начальнику, новгородскому наместнику Архарову: "Чтобы мнения и представления его как человека, исполненного обширных по соляной части знаний, уважаемы были". На видное положение, которое он занимал в России, указывают и льготы, которыми он пользовался. Так, несколько лет спустя после переезда в Россию он мог с сохранением своего содержания уехать для поправления здоровья и для ученых работ на родину и прожить там восемь лет, так что окончательное его переселение в наше отечество состоялось только в 1796 году, а в 1797 году переселился в Россию и его знаменитый сын.

О том, как жил, развивался и учился последний в школьном возрасте, известно весьма мало. Мне не удалось даже собрать сведения о том, где он, собственно, учился и жил. Известно только, что до восьмилетнего возраста он жил в Ганау, то есть в городке, где и родился. Я отмечаю это обстоятельство, потому что оно, по моему мнению, имеет немаловажное значение.

Впечатления ранней молодости и детства бывают обыкновенно очень сильны, особенно у таких нервных и впечатлительных людей, каким был Канкрин. Ганау в конце прошлого столетия был городком, насчитывавшим, вероятно, не больше трех-четырех тысяч жителей. Он отличался от других городков только чрезвычайно развитой промышленностью. В конце XVI века искали в нем убежища от религиозных преследований многие фламандцы и валлоны, трудолюбивое и промышленное население, основавшее в Ганау, как и в других немецких городах, многие отрасли промышленности, процветающие и до сих пор. На родине нашего Канкрина они занимались преимущественно изготовлением серебряных и золотых изделий, шерстяных и шелковых тканей. Их кипевшие жизнью мастерские распространяли в городе и окрестной местности благосостояние, и, конечно, картина этой кипучей деятельности трудолюбивого населения глубоко врезалась в память впечатлительного ребенка. Кроме того, не следует упускать из виду, что отец Канкрина постоянно занимался техническими вопросами горного, соляного, монетного и строительного дела. Таким образом, вероятно, тут кроется уже источник того пристрастия, которое Канкрин всю свою жизнь питал к развитой промышленности, к горному, монетному и строительному делу и которое легло в значительной степени в основание его замечательной государственной деятельности. Где обучался Канкрин в возрасте от 8 до 13 лет, остается неизвестным; когда же ему было 13 лет, отец его вернулся на родину и прожил в Гессене восемь почти лет, то есть захватил все то время, когда Канкрин кончал гимназический и университетский курс. Нет, впрочем, сомнения, что Канкрин получил классическое образование, так как он до старости не забыл латинского языка. Он поступил сперва в Гессенский университет, но, очевидно, остался недоволен преподаванием в этом университете и записался в число студентов Марбургского университета, где и окончил блестящим образом курс в 1794 году. Изучал он в университете преимущественно юридические и камеральные науки и оставил в своих товарищах самые лучшие воспоминания: они передают, что Канкрин стремился ко всему прекрасному и благородному и даже основал товарищеский кружок с целью поддерживать в его членах любовь к идеальным благам. О его тогдашнем настроении лучше всего свидетельствует написанный им еще в студенческое время и появившийся в 1797 году роман под заглавием: “Дагобер, роман из теперешней войны за освобождение”. Мы не станем передавать содержания этого романа молодого Канкрина, потому что он по фабуле своей мало отличается от других романов того бурного

времени, когда стремление к свободе выражалось в героических действиях и патетических возгласах, когда людьми овладевали страстные порывы, и те, кто сам не участвовал в грандиозных событиях того времени, изливали соответственное настроение на бумагу. Как во всех романах, любовь в “Дагобере” играет, конечно, главную роль. *Она* имеет брата, а *он* нечаянно убивает его; отсюда трагический элемент; кончается же дело тем, что возлюбленные решаются жить по толстовскому рецепту, как брат и сестра. Но это оказывается неудобоисполнимым, и, когда страсть заставляет их броситься в объятия друг другу, роковой выстрел лишает их одновременно жизни. Но любопытна в этом романе, конечно, не фабула, а то, что автор вплетает в него много рассуждений и сентенций, в которых сказывается уже недюжинный ум. Чрезвычайно интересна, например, характеристика философии Канта, относительно которой автор говорит, что она нам истины не открывает, но что она нас приближает к ней и, как гениальный порыв в этом направлении, возбуждает к себе сочувствие; чрезвычайно любопытно и то, что автор, воодушевленный горячим стремлением к свободе, как бы уже задается одновременно вопросом о способах наиболее верного ее достижения, что он, признавая свободу и безопасность целью государства, в то же время проводит мысль, что его усилия должны быть направлены к достижению не столько счастья граждан, сколько величия страны, что счастье является понятием слишком неопределенным, что надо стремиться к тем условиям, которые, обеспечивая благосостояние масс, в то же время обеспечивают и процветание государства. Словом, в этом первом литературном произведении Канкрина встречаются уже те мысли, которые он впоследствии развил в других более зрелых своих литературных трудах и в значительной степени осуществил в своей замечательной государственной деятельности.

Мы отметили все эти факты из детства и молодости Канкрина, чтобы выяснить зачатки того душевного настроения, которое сделало из Канкрина чрезвычайно оригинальную личность, соединяющую в себе черты, редко встречающиеся в одном человеке: на чисто идеалистической почве вырастает крупный практик, не только стремящийся к идеальным благам, но и способный осуществлять их в жизни с редкою энергией и умением. Уже в молодом Канкрине поклонник красоты, сторонник добра, автор романа, в котором прославляется свобода и стремление бороться за благополучие народных масс, соединяются с холодным и внимательным наблюдателем промышленной жизни и с деятелем, горячо преданным трезвому знанию, науке. Все эти черты сохранились в Канкрине до конца

его дней, до тех печальных недель и месяцев, когда он, живой труп, все еще со страстным вниманием и с неослабевшею умственною ясностью следил за всем, что волновало и заботило лучших деятелей его времени.

На первых порах он натолкнулся на значительные жизненные невзгоды. Отцу удалось выхлопотать для него чин “правительственного советника”, но место Канкрин получить на родине не мог, несмотря даже на блестящие дарования, которые он проявил, будучи студентом. “Суровый нрав” отца, безусловно честного, но малосговорчивого и непокладистого деятеля, не способного на сделки с совестью, повредил и сыну. В 1796 году Канкрин-отец вернулся в Россию и снова вступил в отправление своих обязанностей в качестве директора старорусских солеварен. В следующем же году он выписал в Россию и своего сына, страдавшего на родине от бездеятельности и недостатка материальных средств. Таким образом, наш будущий министр финансов приехал в Россию в 1797 году, в царствование императора Павла Петровича.

Вид Петербурга (Канкрин, понятно, приехал морем) произвел на него тягостное впечатление. Нева, украсившаяся впоследствии, отчасти благодаря его стараниям, красивыми и даже величественными зданиями, представляла тогда довольно пустынный вид. Незнакомая обстановка, чужие люди, чуждые ему и по языку, и по нравам, и по костюму, настроили его так уныло, что он готов был все бросить и с первым же случаем возвратиться на родину. Предчувствие его вначале не обмануло: ему пришлось испытать горькие разочарования, тяжелые лишения, вызвавшие даже весьма опасную болезнь. Отцу удалось выхлопотать для сына видный чин. Двадцатитрехлетний Канкрин был сразу переименован из “правительственных” в “надворные” советники, но должности он никакой не получил. Напротив, чин-то ему главным образом и повредил, потому что надворного советника нельзя было определить на какую-нибудь мелкую должность, а сколько-нибудь видный пост он, вследствие полного незнакомства с нашими административными порядками и русским языком, получить не мог. Молодой человек страшно бедствовал, терпел нужду и голод, сам чинил себе платье и сапоги, вынужден был отказаться от курения табака. Вероятно, в это время, то есть в течение шести лет, которые он провел в большой бедности, от окончания университетского курса до получения хорошего места, в нем выработалась привычка к бережливости, которую он сохранил в течение всей своей жизни: простой и умеренный образ жизни составлял одну из отличительных черт Канкрина в сравнении с его товарищами по

службе. Он даже пересаливал в этом отношении: так, например, впоследствии, будучи министром финансов, Канкрин изгнал из употребления сургуч, заменив его клейстером, и этим вызвал банкротство нескольких сургучных фабрик; в домашнем быту проявлял также чрезвычайную экономию, что навлекло на него упрек в скупости, – упрек, впрочем, совершенно незаслуженный, так как, когда дело шло о том, чтобы помочь бедным и нуждавшимся, он всегда первым протягивал руку помощи. В нем не было черствости души, этого отличительного признака скупого человека, напротив, душа у него, как мы увидим, всегда была сострадательная, отзывчивая к чужому горю. Не совсем выясненным остается, однако, то обстоятельство, почему Канкрин терпел такую сильную нужду. Вот что говорится об этом в его путевых дневниках: “Бедственное положение моих родителей (однако отец его, как мы видели, получал хорошее жалованье) – мой отец был раньше приглашен в Россию, но плохо уживался в стране, – неопределенное будущее, домашние неприятности, в которых я, впрочем, не был виноват, повергли меня в долголетние, опасные для жизни болезни. Счастливая случайность, аномалия (eine Anomalie) изменили мою судьбу”. В чем заключался этот странный счастливый случай, остается неизвестным. Мы знаем только, что до 1800 года бедственное положение Канкрина не прекращалось. В это время он пробовал учительствовать, был комиссионером, поступил бухгалтером в контору богатого откупщика, – словом, занимался чем попало.

Жизненные его невзгоды прекратились до некоторой степени в 1800 году, когда он был назначен помощником к своему отцу, продолжавшему состоять директором старорусских солеварен. При нем он оставался три года, помог ему привести их в образцовый порядок и в то же время ближе знакомился с нашим отечеством и с русским народом. Поступил молодой Канкрин на действительную службу и получил место с определенным содержанием благодаря покровительству тогдашнего вице-канцлера, графа Остермана, которому он представил записку об улучшении овцеводства в России и который сразу оценил знания и способности будущего министра. Вероятно, благодаря покровительству того же Остермана, он в 1803 году был переведен в министерство внутренних дел, в экспедицию государственных имуществ по соляному отделу. В своих воспоминаниях Вигель следующим образом характеризует Канкрина того времени: “Он ни над кем не начальствовал, а служащие изъявляли ему особенное уважение”. Эту крайнюю простоту в обращении Канкрин сохранил и впоследствии, заняв положение влиятельнейшего государственного деятеля, как он

сумел сохранить за собой и уважение бесчисленного множества лиц, с которыми сталкивала его судьба при исполнении его обширных и ответственных обязанностей. Должно быть, его знания и способности бросались всем в глаза и производили такое сильное впечатление, что даже унаследованные им от отца суровость нрава и резкость обхождения с людьми не могли затемнить или скрыть его достоинств. Мы действительно видим, что на Канкрина как правительством, так и частными лицами, возлагаются разные поручения, что в его услугах начинают нуждаться. На первых порах к нему обращаются по делам его специальности, то есть по лесному и соляному делу. К нему, между прочим, обратился в это время и позднейший знаменитый временщик, граф Аракчеев. Их встреча бросает довольно яркий свет на Канкрина. Рекомендован он был Аракчееву, кажется, бароном Пирхом, начальником нашей артиллерии в Финляндии и преподавателем Аракчеева. Последний потребовал к себе Канкрина через его начальника, министра внутренних дел Козодавлева. Канкрин явился, и Аракчеев обратился к нему на “ты”, предлагая ему заняться лесоустройством в своем имении. Канкрин выслушал его, посмотрел ему резко в глаза и, ничего не ответив, повернулся и ушел. Тогда Аракчеев потребовал от министра внутренних дел, чтобы он прикомандировал к нему Канкрина. Это было исполнено, и Канкрину пришлось явиться к своему начальнику в качестве лица подчиненного. “Ты мною недоволен, – обратился Аракчеев к нему, – но не сердись; мы пообедаем вместе и потом займемся делами”. Урок подействовал, и Аракчеев всегда очень любезно и предупредительно обращался впоследствии с Канкриным.

Но и правительство давало ему разные поручения сначала по его специальности, а потом и по другим делам. Таким образом он объездил многие губернии для ревизии или устройства лесного хозяйства и соляных промыслов. Все поручения Канкрин исполнял так хорошо, что на него посыпались награды. Но он не только добросовестно исполнял возложенные на него поручения, а, кроме того, внимательно знакомился с Россией, с ее естественными богатствами и народом. Тогда уже Канкрин научился бегло, хотя и не вполне правильно говорить по-русски и в своих речах постоянно начал прибегать к метким русским пословицам. О том, какие впечатления он вынес из своих командировок, свидетельствует следующий факт. Между прочим, Канкрин был прикомандирован к сенатору Поликарпову, очень светлой личности того времени, посланному в некоторые губернии с поручением помочь голодающим. Поликарпов утверждал, что если ему удалось с успехом исполнить это

поручение, то, главным образом, благодаря редкой распорядительности молодого Канкрина. Канкрин же впоследствии, когда уже состоял министром финансов, узнав, что вдова покойного Поликарпова находится в Петербурге, поспешил к ней, чтобы приветствовать ее, и при этом сказал ей, что он хранит самое лучшее воспоминание о ее покойном муже, который первый научил его любить русский народ. Тогда уже сложилось в Канкрине то чувство преданности второму своему отечеству, которое заставило его впоследствии отклонить самые блестящие предложения других правительств. В душе его не осталось и следа того впечатления, которое он вынес, подъезжая к Петербургу, и которое чуть было не заставило его бросить все и вернуться на родину. Он уже тогда чувствовал себя русским и твердо решил посвятить себя России.

В 1809 году Канкрин был назначен инспектором всех петербургских иностранных колоний уже в чине статского советника. Сохранились данные, свидетельствующие о том, что и тут он был вполне на месте, но, очевидно, деятельность эта показалась ему слишком узкой. Проживал Канкрин тогда зимой в Петербурге, летом – в Стрельне, и мы имеем известия, что он в это время возвратился к своим прежним литературным трудам, посещал немецкий театр и писал обстоятельные рецензии, помещая их в газетах. Но, кроме того, он тогда же задумал и написал один чрезвычайно интересный труд, имевший несомненный успех и сильно повлиявший на дальнейшую его карьеру. Как почти все сочинения Канкрина, и этот труд – “Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии” – вышел анонимно, причем выдержал два издания и обратил на Канкрина внимание всего тогдашнего военного мира, между прочим военного министра Барклая-де-Толли и преподавателя императора Александра I, генерала Пфуля. Автор “Войны и мира” изображает генерала Пфуля сухим военным теоретиком, лишенным практического смысла. Таким он был, по-видимому, в действительности, потому что сооруженный им лагерь при Дриссе, по отзыву военных специалистов, производил впечатление, как выразился маркиз Паулуччи, дела рук “сумасшедшего или изменника”. Но, с другой стороны, окончательно выяснилось, что идея пользования естественными условиями (обширностью территории, климатом) для одержания победы над Наполеоном, идея беспрерывного отступления исходила от генерала Пфуля и вообще немецкой военной партии, в отличие от русской, требовавшей натиска, смелого нападения на вторгшегося в пределы России неприятеля. И вот что интересно: тотчас после появления упомянутого труда Канкрина,

в котором также проводится эта идея, он был приглашен к генералу Пфулю и начал с ним работать ежедневно по вечерам. Мало того, сам император живо заинтересовался личностью Канкрина и потребовал точной справки о нем. Ему было доложено, что Канкрин “очень знающий и способный человек, но un peu dur”[3].

Очевидно, труд Канкрина произвел чрезвычайно сильное впечатление на военные авторитеты того времени, если такой влиятельный деятель, каким был тогда генерал Пфуль, счел нужным заручиться близким участием Канкрина в разработке плана предстоявшей войны. Равным образом трудно предположить, чтобы генерал Пфуль, выдумавший впоследствии пресловутый дрисский лагерь, был сам убежденным сторонником кунктаторской[4] войны. Скорее надо предположить, что он не вполне усвоил себе чужую идею, и многое заставляет думать, что она впервые пришла на ум Канкрину. Во всяком случае, в деле разработки и практического осуществления этой идеи вопрос о снабжении армии необходимым продовольствием играл весьма существенную роль, и мы действительно видим, что Канкрин назначается сперва помощником генерал-провиантмейстера с чином действительного статского советника (в 1811 году), а затем в самом начале войны – генерал-интендантом первой западной армии и вскоре всех действующих войск. Таким образом, в жизни Канкрина начинается новый период, о котором мы уже говорили, что он составляет блестящую его заслугу и дает ему право быть причисленным к самым видным деятелям Отечественной войны.

Глава II

Деятельность Канкрина во время Отечественной войны. – Громадные сбережения, сделанные им. – О Канкрине начинают забывать. – Его записка об освобождении крестьян. – Ее последствия. – Женитьба Канкрина. – Его отставка. – Пророчество Сперанского. – Труды, написанные Канкриным во время его бездействия. – Теория и практика

Состоя помощником генерал-провиантмейстера, Канкрин уже был душой сложного предприятия снабжения громадной армии всем ей необходимым. Действующие войска были, как известно, разделены на три армии, и отдельные отряды были разбросаны на громадном пространстве, так что задача Канкрина чрезвычайно усложнялась. Нельзя при этом упускать из виду, что если и во второй половине нашего столетия предупреждение всевозможных злоупотреблений, растрат и хищений наталкивается на почти непреодолимые препятствия при низком нравственном уровне многих административных деятелей, то в начале нынешнего столетия это было вдвойне трудно. Несмотря на патриотическое воодушевление, охватившее народ, на его готовность приносить громадные жертвы для отражения неприятеля и изгнания его из пределов страны, находилось, к сожалению, очень много людей, готовых воспользоваться народным бедствием для личного обогащения: одни жертвовали, другие старались присвоить себе пожертвованное добро. Таким образом, требовалось много энергии, распорядительности и бескорыстия, чтобы обеспечить экономное и удовлетворительное снабжение армии. Эту трудную и сложную задачу Канкрин разрешил более чем удовлетворительно. По свидетельству многих современников, русская армия во время войн 1812 – 1815 годов ни в чем не нуждалась, а были такие критические моменты, как, например, после сражения при Бауцене, когда вследствие быстрого наступательного движения нашей армии все обозы отстали и чрезвычайно было трудно найти необходимые жизненные припасы для продовольствования громадной массы людей, сосредоточенных в одном пункте. Император Александр призвал тогда к себе Канкри-на и обратился к нему со следующими словами: “Мы находимся в очень дурном положении. Если ты найдешь средства добыть необходимые припасы, то я тебя вознагражу так, как ты этого не ожидаешь”. Канкрин добыл все необходимые жизненные припасы. Вообще он проявил изумительную распорядительность, и Кутузов постоянно совещался с ним. Так, до перехода русских войск через Неман,

Канкрин представил в Мерече Кутузову разработанный во всех подробностях план дальнейшего движения наших войск и их снабжения. Незадолго до смерти Кутузов говорил с ним о плане кампании и потребовал, чтобы он письменно изложил свое мнение, потому что оно вполне совпадает с его собственным планом. Вслед за тем он сказал Канкрину: “Я показывал твою бумагу императору, и он удивился твоим глубоким знаниям в военном деле”. После битвы при Ватерлоо Канкрин составил план движения двухсоттысячной армии на Париж, и его план лег в основание тогдашних военных операций.

Независимо от этого он разрешал свою трудную задачу с замечательной гуманностью. Читая его путевые дневники, мы видим, с каким глубоким состраданием он относился к народным бедствиям. Общее разорение, голод, трупы, встречавшиеся на каждом шагу, – все это наполняло его душу скорбью, внушало ему отвращение к войне и связывало его новыми узами с русским народом. Где только было можно, он заступался за обывателей. Под Москвой удерживал Растопчина от овладевшей им страсти сжигать окрестные села и деревни, убеждая его в том, что это совершенно бесцельно; в Калише он чуть было не вышел в отставку вследствие столкновения с великим князем Константином Павловичем, потому что взял под свою защиту жителей одного города против злоупотреблений военного начальства. Только благодаря заступничеству Кутузова дело уладилось. Кутузов решительно заявил великому князю: “Если вы будете устранять людей, мне крайне нужных, таких, которых нельзя приобрести и за миллионы, то я сам не могу оставаться в должности”.

При такой распорядительности и блестящих административных способностях Канкрина неудивительно, что и союзные правительства поминутно пользовались его услугами. Собственно, на нем лежала сложная задача продовольствования всех союзных армий во время походов 1813 – 1815 годов. Мы не можем входить здесь в подробный разбор тех приемов, при помощи которых ему удалось справиться со своей трудной задачей. Сам Канкрин, впрочем, разъяснил эти приемы сперва в краткой записке, представленной императору Александру I в 1815 году, и затем в своем обширном труде о “Военной экономии”, составленном им в начале двадцатых годов и представляющем собой как бы общий вывод из вынесенного им во время Отечественной войны опыта. Мы здесь укажем только на общие результаты, достигнутые Канкриным.

Отечественная война стоила России, по всеподданнейшему отчету Барклая-де-Толли, составленному Канкриным, – 157 с

половиной млн. руб. Эта цифра поражает своею скромностью. Четыре года мы вели войну, и притом один только год в пределах самой России, а заграничная война, как известно, стоит особенно дорого. Не забудем, что для ведения последней наглей войны с Турцией России пришлось сделать долг в 1 200 млн., что первый год крымской кампании обошелся России в 300 млн., и мы будем поражены ничтожною цифрою наших военных расходов во время Отечественной войны. Правда, к ней надо прибавить 100 млн. частных пожертвований и 135 млн. субсидий, выплаченных нам Англией. Но и в таком случае мы получим только около 400 млн., то есть военные расходы составили в год не более 100 млн. Так как вся денежная часть, все дело продовольствования и обмундирования армии лежали на Канкрине, то заслуга столь экономного ведения грандиозной войны должна быть всецело приписана ему. Эта заслуга выяснится еще более, если мы укажем на некоторые факты, малоизвестные вследствие равнодушия, с каким мы относимся к заслугам наших деятелей. Так, Канкрин поразил однажды императора Александра сбережением в 26 млн. из ассигнованных на ведение войны сумм. При расчетах с союзными правительствами по продовольствованию наших войск за границею, Канкрин уплатил только одну *шестую* часть, доказав, что все остальные претензии не имеют законного основания. Для этого потребовалась громадная работа: надо было проверить все счета и квитанции. Мало того, надо было противостоять всем искушениям, а искушения эти были велики, потому что Канкрин являлся полновластным хозяином, был человеком совершенно необеспеченным, и ему предлагались миллионы в случае одобрения тех или других претензий. Россия выплатила союзным правительствам 60 млн., составивших, как мы уже заметили, шестую часть всех претензий: если бы не честность и распорядительность Канкрина, она, следовательно, уплатила бы гораздо больше, и эта сумма легла бы тяжелым бременем на разоренный войной русский народ. Если же принять еще во внимание, что распорядительность Канкрина проявлялась и в тысяче других вопросов, связанных с продовольствованием громадной армии, то мы должны будем признать, что в общем он сберег несколько сот миллионов, а если мы сопоставим в этом отношении деятельность Канкрина с деятельностью других лиц, заведовавших продовольствованием наших армий в последующие войны, когда, несмотря на громадные суммы, затраченные правительством, войска наши бывали в самом печальном положении, когда сапоги солдат оказывались гнилыми, ветер разносил приобретенное за большие деньги сено, а хлеб был непригоден даже для кормления скота, то мы невольно тут

вспомним лермонтовский стих:

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.

На Канкрине оправдался отчасти и дальнейший стих этой знаменитой строфы: “Плохая им досталась доля”. После войны он был забыт. Награды сыпались на него во время Отечественной войны, когда в нем нуждались, когда без него трудно было обойтись, когда он поминутно слишком наглядными фактами убеждал, как полезна и необходима его деятельность. Ему пожалован был общий генеральский мундир (первый факт этого рода), а затем он был произведен и в генерал-лейтенанты. Это повышение по службе состоялось после того, как он подал в 1815 году общий отчет о ходе возложенных на него обязанностей. Отчет этот появился в печати только сорок два года спустя, после крымской кампании, и произвел тогда общую сенсацию, потому что читатели невольно сопоставляли то, что было достигнуто Канкриным, с теми безотрадными результатами, которые выяснились во время крымской кампании: в эту вторую нашу войну с Европой все указания Канкрина насчет целесообразного продовольствования армии не были соблюдены.

После Отечественной войны Канкрину пришлось долгое время находиться при главной квартире, расположенной в Могилевской губернии. Насколько известно, он жил попеременно то в Орше, то в Могилеве, то в Шклове. Служебные его отношения становились все безотраднее. В Петербурге о нем как будто совершенно забыли; он напомнил о себе, но это не послужило ему на пользу.

Чем же он напомнил о себе? Мы видели уже, что Канкрин полюбил наш народ и горячо принимал к сердцу его интересы. В Белоруссии, где он теперь жил, ему на каждом шагу представлялась безотрадная картина полного разорения крестьян. Война истощила край, но, по мнению Канкрина, по глубокому его убеждению, вынесенному путем обстоятельного изучения края, в бедствиях, претерпеваемых народом, была виновата не одна только война: были еще и другие причины полного обнищания крестьян. “Земледелие нигде не делает у нас настоящих успехов, потому что до сих пор все усилия сельских хозяев были обращены не столько на улучшение быта крестьян, сколько к их угнетению. Увеличить поборы с земледельца – единственная цель помещиков”. Эти слова взяты нами из записки Канкрина, посланной им императору Александру I 24 февраля 1818 года из

Орши. Первоначально эта записка была напечатана в “Русском архиве” в 1865 году, причем указано, что она составлена по повелению государя. Но это не подтверждается. Канкрин препроводил свою записку об освобождении крестьян от крепостной зависимости через графа Нессельроде при письме следующего содержания:

> “Прилагаемое странное (singulier) рассуждение я хотел подать Государю, но не имел к тому случая по кратковременности его здешнего пребывания (Государь проезжал тогда через Могилевскую губернию в Варшаву). Принимаю смелость просить ваше сиятельство о представлении моего рассуждения Его Величеству; в противном случае потрудитесь возвратить мне его. Признаюсь, этот вопрос давно уже лежит у меня на сердце, а когда я увидел, как в Москве все общество недовольно намерением императора освободить крестьян, я почерпнул в этом новое побуждение изложить мою мысль”.

Из этого письма видно, что Канкрин по собственному почину составил свою записку об освобождении крестьян, озаглавленную в подлиннике “Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la feodalite des cultivateurs, surtout en Russie” (“Исследование о происхождении и отмене крепостного права или зависимости земледельцев преимущественно в России”). Записка эта была получена государем в такое время, когда мысль об освобождении крестьян была, кажется, уже окончательно сдана в архив. Правда, в 1816 году, вскоре после окончания Отечественной войны, изданы были эстляндские постановления, на основании которых все крепостные люди Эстляндской губернии переходили в свободное состояние постепенно в течение четырнадцати лет с правом приобретения недвижимой собственности, и два года спустя на таких же основаниях были освобождены и курляндские крестьяне. Вообще император, по-видимому, был занят вопросом об облегчении участи крестьян, но он наталкивался на сильное противодействие со стороны просвещеннейших людей того времени и со стороны интеллигентных людей вообще, главный контингент которых составляли помещики. Растопчин, вместе с московскими дворянами, молил Господа: “Продли жизнь царя и мирное житие наше; утверди благоденствие наше навеки и избави нас от *лукавого”* (под лукавым подразумевалось освобождение крестьян). Карамзин в своей знаменитой записке “О древней и новой России” доказывал, что дворяне имеют исключительное право на землю, и выставлял все ужасные последствия, какие

может иметь освобождение крестьян. “В заключение скажем доброму монарху, – писал он. – Государь, история не упрекнет тебя злом, какое прежде Тебя существовало, но Ты будешь ответствовать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие Твоих собственных уставов”. Даже такой просвещенный деятель, как Каразин, отрекался в своих известных записках от “прошедшего исступления”, требовал, чтобы помещик был “генерал-губернатором в малом виде”, “наследственным полицеймейстером” крестьян и за это пользовался бы “половиною их труда”, а так называемое общество, то есть преимущественно помещики, и слышать не хотели о такой радикальной реформе, пагубной для их благосостояния. Все это поколебало намерения государя. Со всех сторон он видел признаки нерасположения к тем планам, которые, может быть, не совсем отчетливо представлялись его уму. К тому же прежнее увлечение либеральными реформами уже совершенно охладело. И вот в такой-то момент Канкрин решился возвысить голос и высказаться чрезвычайно настойчиво в пользу освобождения крестьян с предоставлением им поземельной собственности. Вот как он напомнил о себе Петербургу.

Записка Канкрина так интересна, что мы не можем не рассмотреть ее подробнее. Канкрин прежде всего останавливается на отдельных фазисах, через которые прошел крестьянский вопрос в Европе. Его не удовлетворяет положение крестьянина в Англии, где он был освобожден без земли и поэтому остается простым поденщиком; он не сочувствует и положению крестьянина в других странах, где народ не владеет, а только пользуется землею и прикреплен к ней.

> “Естественные последствия крепостного состояния, – продолжает он, – по самому свойству своему неограниченного, роскошь и разные другие причины, в особенности же не по силам предпринимаемые помещиками винокуренные операции, необдуманное устройство разного рода фабрик, тягость подводной повинности привели наконец наших крестьян в ужасающее положение… С незапамятного времени не сделано в России ни одного шага к усовершенствованию в этом отношении… Вместе с тем достоверно и то, что почти никто не подозревает опасности покоиться на огнедышащей горе, потому что личные интересы, с одной стороны, с другой – сила обычая, освященного веками, наконец самые затруднения, сопряженные неминуемо со всякой переменой, не дозволяют и ныне

правильно смотреть на дело и успокаивают тревожные опасения других. Опасность эта, без сомнения, еще не так близка от нас, но для предотвращения зол такого рода следует принимать надлежащие меры гораздо ранее пагубной развязки".

Из этих слов видно, как верно Канкрин оценил основное значение Французской революции, сохранив преданность тем идеалам, которые вдохновляли его, когда он двадцать лет раньше писал свой роман о "войне за свободу". Эти идеалы вместе с безотрадным положением русского народа побуждали Канкрина возвысить за него голос и предложить самый необходимый шаг на пути к созданию более нормальных условий в нашем отечестве.

Но возвратимся к записке Канкрина. Он, очевидно, имел сведения о том, что государь раньше намеревался "держаться системы, принятой в Лифляндии и Эстляндии, то есть соразмерить и облегчить повинности крестьян, оградить их от произвола помещиков, дозволить им приобретать собственность, – одним словом, составить новое точное и умеренное законоположение относительно крепостного состояния". Канкрин смело возражает против этой мысли, признавая такую реформу недостаточной. "Благоговейно преклоняясь пред милосердною волею, желающей начертать подобное законоположение, – пишет он, – я вместе с тем смею полагать, что путь этот не только не лучший, но даже *ведет к заблуждению"*. Он аргументирует свое возражение следующим образом: "Составление новых постановлений, которые, не уничтожая крепостного права, клонились бы лишь к точному определению отношений обеих сторон, равняется увековечению крепостной зависимости". Поэтому автор записки прямо требует отмены крепостного права и обеспечения экономического положения крестьян. Но он не довольствуется этим требованием, а указывает и на наиболее нормальный путь к осуществлению его мысли. С этой целью он предлагает целый план. В 1819 году должна быть учреждена комиссия для точного наблюдения за ходом дел. В 1820 году объявляется, что крестьяне имеют право приобретать землю и что дома и движимость составляют их неотъемлемую собственность. В 1822 году вся земля государственных крестьян разделяется по общинам, а земля каждой общины – по дворам с воспрещением дальнейшего передела, излишек же оставляется для новых дворов. Затем этот указ применяется и к помещичьим землям и одновременно подушная подать заменяется подворной (Канкрин, значит, уже тогда требовал отмены подушной подати). В 1825 году в точности

определяются и уменьшаются повинности крестьян, и они сами становятся под покровительство лиц, назначенных правительством (Канкрин, следовательно, предусматривал необходимость образования мировых посредников). В 1827 году устанавливается право наследования дворами, вотчинный суд упраздняется, то есть крестьяне уже не подлежат суду помещиков. В 1830 году учреждается право первородства в имениях, в которых менее чем 250 душ, во избежание дробления земли, которое, по мнению Канкрина, вредно во многих отношениях. В 1835 году устраивается быт дворовых людей. В 1840 году назначается такса для выкупа крестьян с землею и без нее, и с этой целью учреждается заемный банк. В 1845 году вновь определяются повинности крестьян и окончательно отменяются последние остатки вотчинного суда. С 1850 года земля постепенно объявляется собственностью каждого семейства, даруется право перехода и так далее.

Этот план не только представляет собою документ государственного значения, но и крайне характерен для самого Канкрина. Мы видим, с какою осторожностью он предлагает приступить к важной реформе, признаваемой им необходимою, и как глубоко задуманы отдельные ступени перехода крестьян от крепостной зависимости к полной свободе. Если бы его план был принят, наша государственная и экономическая жизнь развилась бы более нормально и освобождение крестьян не вызвало бы того сильного потрясения всей экономической жизни России, какое было неизбежным следствием реформы 1861 года.

Как бы то ни было, записка Канкрина не только не была принята во внимание, но, по-видимому, отразилась невыгодно на его дальнейшей судьбе. Несомненно, в тогдашних правительственных сферах крестьянская реформа имелась в виду, но мысль о ней была очень скоро оставлена отчасти вследствие нерасположения к ней дворян, отчасти вследствие политического брожения, происходившего в нашем обществе, равно как революционных стремлений на западе. Ко всему этому присоединилась злополучная история в Семеновском полку. Увлечение крестьянскою реформою сменилось охлаждением не только к ней самой, но и к лицам, возвысившим голос в защиту крестьян. В числе этих лиц занял место и Канкрин: несмотря на громадные его заслуги и на проявленные им административные дарования, он был забыт. Может быть, этому способствовал еще и другой факт.

В 1816 году Канкрин женился. Фельдмаршал князь Барклай-де-Толли вел в Могилеве открытый дом. Молодежь у него веселилась, и здесь-то Канкрин познакомился со своей будущей

женой, родной племянницей Муравьева-Апостола, дочерью его брата, Захара Матвеевича. Брак этот был очень счастливый: Екатерина Захаровна Канкрина в течение всей своей жизни была верной помощницею своему мужу и много содействовала счастью его жизни. Но на первых порах и этот брак мог до некоторой степени повлиять на дальнейшую судьбу Канкрина. Семья Муравьевых, как известно, приняла деятельное участие в том политическом брожении, о котором мы только что упомянули. Непосредственным результатом всего этого было то, что в своих постоянных столкновениях по службе, вызванных честным отношением к своим обязанностям и горячей защитою казенного добра, Канкрин уже не находил прежней поддержки в высших сферах и стал признаваться человеком беспокойным, так что когда он, утомленный этой бесплодной борьбой, все настойчивее стал просить об увольнении его от должности, последовало согласие, и 14 апреля 1820 года он из влиятельного администратора превратился в простого члена военного совета. Чрезвычайно характерен для Канкрина и тот факт, что после переселения в Петербург он, несмотря на крайне скромный образ жизни, не имел даже средств, чтобы прилично жить в столице, и вынужден был обратиться к императору за вспомоществованием, в котором ему, однако, кажется, было отказано, потому что в его формулярном списке ничего не значится о полученном им в этот период времени пособии. Не менее характерен для Канкрина и тот факт, что именно в это время он получил от австрийского правительства самые блестящие предложения и что он их решительно отклонил, желая жить и трудиться только для России.

Но в 1821 году картина внезапно изменилась. В Италии вспыхнули политические беспорядки, и священный союз решил подавить их силою. Предполагалось, что и Россия примет участие в вооруженном подавлении беспорядков. Состоялся конгресс в Лайбах, и, отправляясь туда, император Александр вспомнил об услугах, оказанных Канкриным во время Отечественной войны, и взял его с собою, чтобы на месте обсудить вместе с ним предполагавшиеся военные операции. Но они не состоялись, и Канкрин вернулся в Петербруг. Вслед за тем он был назначен членом Государственного Совета по департаменту государственной экономии. Могло казаться, что карьера сорокасемилетнего Канкрина окончена, но к нему совершенно неожиданно для всех снова пришлось обратиться в тяжелую минуту. Пророчество Сперанского сбылось: наш знаменитый государственный деятель, находясь в Пензе, еще в 1813 году во время блестящего управления Канкриным продовольственной

частью нашей армии разгадал его. “Нет у нас во всем государстве, – выразился он, – человека способнее Канкрина быть министром финансов”. Это мнение Сперанский не изменил до конца своих дней, но только через десять лет после того, как оно было высказано, Канкрин действительно был назначен министром финансов. Россия немало потеряла от того, что способности Канкрина не были приложены к делу тотчас по окончании Отечественной войны. В течение этих восьми лет финансы России подверглись большому испытанию и были доведены до плачевного положения.

Но Канкрин был слишком деятельной натурой, чтобы бездействовать. Находясь не у дел, он не отдыхал. То, что им создано в недолгие годы его вынужденного бездействия, наполнило бы, может быть, всю жизнь менее даровитой и энергичной натуры. Кроме записки об освобождении крестьян от крепостной зависимости, Канкрин составил в это время еще другую записку, почти никому неизвестную, но, тем не менее, бросающую яркий свет на прозорливость и дарования этого необыкновенного деятеля. Она озаглавлена: “Записка Канкрина относительно описания походов против турок”. Дело в том, что военные люди, тяготясь бездействием после войны, задумали составить описание всех наших турецких войн, начиная с войн Петра Великого, в ожидании, конечно, новой войны, которая разразилась через десять лет. Главным инициатором этого предприятия был начальник штаба второй армии генерал-адъютант Киселев. Узнав об этом, Канкрин тотчас же подал записку, в которой чрезвычайно метко указал на план подобного описания наших турецких войн и выяснил его основную программу. Но в то же время он отнесся к делу весьма скептично, и вот на каком основании. “В нынешнее время, – писал он, – *фрунт* начинает себе воображать, что он победил в последней войне, далеко отбрасывая от себя *школьничество наук”*. Он тут же извиняется за свой “штиль”, так как “всегда сражается с русским языком, не зная оный фундаментально”. Но это незнание русского языка не помешало ему и в данном случае выразить глубокую мысль, предвидеть тот страшный вред, который нам нанесет “фрунт” и пренебрежение к “школьничеству наук”. Как и предвидел Канкрин, затеянное большое предприятие не осуществилось.

Но, конечно, не эти две записки мы имели в виду, когда говорили о том, что Канкрин во время своего видимого бездействия был в сущности очень деятелен. Вообще он всегда, когда прерывались его служебные обязанности, возвращался к ученому или литературному труду. Как мы видели, он тотчас по

окончании университетского курса написал большой роман. Затем, когда приехал в Россию и томился вынужденным бездействием или даже во время исполнения своих служебных обязанностей, составлял разные записки экономического или военного содержания, писал фельетоны в газетах или ученые труды. В нем, как мы уже отметили, соединялись две черты, редко встречающиеся в одном и том же лице. Он был в одно и то же время холодным умом, превосходным счетчиком и большим любителем искусства почти во всех его проявлениях: он любил поэзию, музыку, архитектуру. Мало того, его суждения в эстетических вопросах были чрезвычайно метки, иногда даже глубоки, и, когда только время ему позволяло, он предавался эстетическим наслаждениям или художественной критике с такой же горячностью, с какой в другое время посвящал себя сухим финансовым вопросам и делам. Но к этой стороне его деятельности мы вернемся еще впоследствии; здесь же мы хотели только отметить, что Канкрин никогда не знал отдыха и что, оставив пост генерал-интенданта армии, он обогатил ученую и экономическую литературу двумя исследованиями, из которых одно в особенности доставило ему европейскую известность. В 1821 году появилось его сочинение “Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft”[5], а в 1823 – последний, третий, том его большого труда: “Ueber die Militar-Oekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wechselverhaltniss zu den Operationen”.[6]

Первый из названных трудов послужил как бы программой Канкрина во время его управления министерством финансов. От этой программы он ни на шаг не отступил, хотя это казалось превышающим человеческие силы. Он остался ей верен в течение двадцатиоднолетнего управления финансами великой страны. Таким образом, он доказал на деле полную возможность и плодотворность подчинения практики теории и несостоятельность того взгляда, будто бы здравая практика не мирится с отвлеченной теорией, будто бы теория существует сама по себе, а практика также сама по себе. Канкрин как цельный характер, как деятель последовательный и не изменяющий себе даже в мелочах, создал чрезвычайно определенный финансовый план на строгом основании той экономической теории, которую он признавал верной. Он приложил ее к делу с железной энергией, не отступая ни на шаг от нее. Он достиг в известных отношениях блестящих результатов, в других потерпел крушение и не создал ничего устойчивого. Но при оценке его деятельности можно совершенно безошибочно сказать, что как в его удачах, так и неудачах виноват не человек, виновата теория в тех ее частях,

которые оказались неверными. В этом заключается громадное значение таких цельных характеров, каким был Канкрин: и дело их рук – цельное, ясное, определенное; оно дает нам твердое мерило для оценки верности или ложности той или другой теории.

Приведем здесь еще сформулированное Канкриным основное начало нормального финансового управления:

> “Надо чуждаться крайностей, избегая четырех великих апокалипсических зверей: понижения достоинства монеты, бумажных денег, чрезмерных государственных долгов и искусственного накопления торгового капитала, и приводить в строгое соответствие расходы с естественными доходами, стремясь увеличить последние путем поощрения народного труда, порядком и хорошим управлением и только в крайнем случае прибегая к умеренным займам, чтобы их погашать при первой же возможности”.

Мы привели это основное начало Канкрина, потому что им определяется вся его финансовая политика: и другие высказывали такого рода начало, но ни один министр финансов у нас и редкий министр финансов в других странах руководился этим началом как правилом, почти не допускающим исключения, а Канкрину это удалось – он сумел не отступить на практике от верного принципа. В следующих главах мы увидим, какие это дало результаты.

Глава III

"Гурьевская каша". – Назначение Канкрина министром финансов. – Переполох, вызванный этим назначением в великосветской среде. – Как Канкрин работал. – Блестящие результаты его деятельности. – Протекционизм Канкрина

Канкрин в качестве министра финансов наследовал графу Гурьеву. Это было очень тяжелое наследство, от которого все отказывались, потому что бремя долгов было чрезмерно, а государственные доходы упали и представлялись крайне ненадежными: даже главная статья дохода, вино, перестало обогащать государственную казну.

Граф Гурьев никогда самостоятельно не управлял финансами России, да и не мог ими управлять, потому что не был к этому делу подготовлен и потому что в нем отсутствовало то, что составляло главную силу Канкрина: проницательный ум, характер. Трудно себе даже представить, как этот бывший гвардейский офицер, обязанный своим служебным повышением исключительно матримониальным делам и умению угождать людям, – этот bon vivant[7], этот человек, прославившийся изобретением гурьевской каши, мог попасть в министры финансов в такое время, когда во главе управления стоял Сперанский, и еще труднее понять, как он мог в течение тринадцати лет продержаться у власти. Кажется, ему это удалось только благодаря тому, что он щедро раздавал деньги тем, кто заручался влиянием при помощи разных интриг и козней. Пока Сперанский был во власти, он сам управлял финансами: ему нужен был не столько самостоятельный, сколько исполнительный деятель, а угождать Гурьев умел. В этом отношении Сперанский совершил ту же ошибку, которая была совершена и самим Канкриным: он рассчитывал только на свои силы и не заботился о том, чтобы доверить ту или другую отрасль управления помощникам, которые могли бы успешно вести дело после него. Кратковременное управление Сперанского финансами при содействии Гурьева ознаменовалось известным манифестом 1810 года, свидетельствующим о блестящих дарованиях и светлых намерениях незабвенного нашего государственного деятеля. На основании финансовой программы Сперанского бумажные деньги, то есть ассигнации, признавались государственным долгом; правительство обязывалось не прибегать к дальнейшим выпускам, все государственные суммы были признаны собственностью казначейства, никакой доход, обыкновенный или чрезвычайный, не мог быть произведен без предварительного

одобрения государственного совета, а с 1811 года государственная смета должна была публиковаться во всеобщее сведение.

Падение Сперанского и в особенности Отечественная война превратили этот манифест в простой клочок бумаги. Как только Сперанский впал в немилость, Гурьев, понятно, начал действовать самостоятельно, но, будучи совершенно неподготовлен к этому, вскоре стал опять посылать на просмотр Сперанского важнейшие из финансовых мероприятий. Управлять же делами издалека было, конечно, невозможно. Тем не менее, влияние Сперанского выразилось в том факте, что часть долгов, заключенных нами во времена Гурьева, пошла на погашение беспроцентного государственного долга, то есть на сожжение ассигнаций. Но и эта мера, хотя и вполне правильная с теоретической точки зрения, не могла дать благих результатов, потому что государственные доходы были истощены не только громадным бедствием, обрушившимся на Россию, но и тою угодливостью, которую проявлял Гурьев по отношению к разным влиятельным лицам. Эта угодливость в конце концов и послужила причиною его падения. Обнищание, бедствия населения Белоруссии послужили, как мы видели, внешним поводом к составлению Канкриным записки об освобождении крестьян; Гурьев же удержал значительную часть ассигнованной правительством для оказания помощи голодавшему белорусскому населению суммы в размере 1,8 млн. рублей, отговариваясь неимением средств, и в то же время предложил ассигновать 700 тысяч рублей на покупку казной разоренного имения одного тогдашнего вельможи.

Это было каплей, переполнившей чашу. Гурьев должен был сойти со сцены, и его великосветский салон сразу опустел; о нем забыли, но результаты его финансовой деятельности были налицо.

Все отрасли государственного хозяйства находились в полном расстройстве. Расходы все увеличивались, доходы сокращались. Дефицит равнялся иногда седьмой части всех доходов, а в самые благоприятные годы составлял четырнадцатую часть всех поступлений. Мануфактурная промышленность не развивалась, а, напротив, с каждым годом падала: хлеб был очень дешев, и сельские хозяева терпели вследствие этого большие убытки; торговые обороты внутри страны были ничтожны; обороты внешней торговли, несмотря на восторжествование фритредерских[8] начал, упали со 130 до 92 млн. Вместе с тем произошел значительный отлив металлических денег за границу. Ценность нашего ассигнационного рубля упалауже раньше до 25 коп. Вследствие этого не было никакой прочной денежной

единицы: бумажные деньги и медная монета постоянно колебались в цене.

Но главное – у казны не было денег. Вот что писал один из членов финансового комитета, барон Кампенгаузен, графу Аракчееву в 1822 году: “Был опять комитет финансовый. Министр финансов изложил новые надобности и нужды и что остатки на весь год, предназначенные для экстренных расходов, в первых уже месяцах с излишеством израсходованы”.

Положение дел становилось очевидно критическим. Надо было во что бы то ни стало выйти из него. Высшими сферами овладело сильное беспокойство. Ни граф Гурьев, ни финансовый комитет не знали, как выйти из затруднений. Тут вдруг вспомнили о Канкрине, – вспомнили как-то неожиданно, но настойчиво. Кто первый произнес его имя – неизвестно: одни говорят о Сперанском, другие называют графа Аракчеева. Но как бы то ни было, раз имя его было произнесено, оно уже не выходило из ума. В правительственных сферах Канкрин был признан своего рода спасителем, то есть единственным человеком, который в состоянии расхлебать “гурьевскую кашу”.

Иначе взглянули на дело в аристократической среде. Тогдашнему великосветскому обществу казалось просто невероятным, чтобы обходительный граф Гурьев, в блестящем салоне которого так щедро раздавались казенные деньги, был вдруг заменен каким-то резким в обращении, мало кому известным, угрюмым, далеко не светским человеком, о заслугах которого имели весьма смутное представление. Знали только, что он в свое время был бухгалтером в винной конторе какого-то откупщика, что он потом заведовал продовольственною частью в армии, что он вечно возился с разными поставщиками, проверял их счета, жил замкнутой жизнью, одевался небрежно и отвечал на любезности ворчливым брюзжанием или резкими выходками, прибегая к народным поговоркам и ужасно коверкая их своим немецким произношением. Лонгинов в своих письмах Воронцову упоминает о том, что назначение Канкрина министром финансов произвело какое-то ошеломляющее впечатление на русское общество, а Вигель передает, что все толковали тогда о неминуемой финансовой гибели России.

Но Россия не только не погибла, а, напротив, под управлением Канкрина начала быстро оправляться от финансовых своих невзгод. Как-то много лет спустя, когда Канкрин заменил ассигнационный бумажный рубль металлическим серебряным и потребовал от всех министерств составления смет на основании новой монетной единицы, блестящий генерал-адъютант, заведовавший делами одного из

наших министерств, наделал в своей смете много крупных ошибок. При личном свидании Канкрин указал ему на эти ошибки. Последовал ответ:

– Немудрено, Егор Францевич, я никогда бухгалтером не был.

– А я, ваше превосходительство, – возразил Канкрин, – был в жизни всем: и писцом, и комиссионером, и казначеем, и бухгалтером; теперь же я состою министром финансов, но простаком я никогда не бывал.

Он действительно простаком никогда не был. Он был искусным счетчиком, никогда не ослабевающим в своей энергии тружеником, преданным своему делу администратором, с замечательной стойкостью и с редким уменьем отражавшим все покушения на казенное добро. На Гагаринской пристани, где он жил, будучи назначен министром финансов, закипела такая работа, какую в России не видели, может быть, со времен Петра Великого. Вот что рассказывает по этому поводу один из очевидцев, Н. Г. Устрялов:

> “В 1824 году девятнадцати лет я поступил в канцелярию министра финансов. Служба моя была не тяжелая. Одно только тяготило меня – дежурство у министра финансов Канкрина. Надобно было являться в приемную не позже девяти часов утра и оставаться до четырех – до шести часов; потом приходить к восьми часам, когда бывали доклады которого-нибудь из директоров департамента, и удаляться домой нередко в первом часу ночи... Канкрин принимал в приемной каждого просителя и расспрашивал в случае надобности подробно. Занят был чрезвычайно утром и вечером, страдал нередко припадками подагры, которая приковывала его к постели... Перья я чинил так неловко, что однажды министр в шутку сказал, что откажется от министерства, потому что нечем писать.

Просители и служащие сменялись, но министр финансов был постоянно на своем посту. В течение семнадцати лет он работал, как свидетельствуют единодушно все лица, знавшие его, часов по пятнадцати в день, принимал ежедневно в известные часы посетителей, но и во время доклада, утром и вечером, часто осведомлялся, нет ли кого в приемной, и если получал утвердительный ответ, то немедленно выходил, умея отделаться от назойливого просителя едкой шуткой, помочь истинно нуждавшемуся или направить его куда следует. Положение в свете, родственные или другие отношения им никогда не принимались во внимание. Он прямо шел к делу и обладал

удивительным даром оценивать людей и вникать в их слова. Он иногда подолгу беседовал с каким-нибудь мужиком и имел только два слова для высокопоставленных лиц. Даже жестокие приступы подагры не удерживали его от усиленного труда и приема посетителей. Он иногда принимал чиновников и даже дам в постели, лежа на огромной двуспальной кровати за ширмами, опираясь обеими руками на два громадных фолианта и выслушивал своих собеседниц внимательно и спокойно, несмотря на острую боль. Когда он был здоров, единственное его развлечение составляли прогулки пешком или верхом, затем после обеда в течение часа – беседа, преимущественно с учеными. Для семьи, которую он горячо любил, у него не хватало времени.

Так жил и работал Канкрин за все время своего управления министерством финансов. Результаты его деятельности оказались на первый раз блестящими. Чтобы дать о них понятие читателю, отметим только, что за первые двенадцать лет финансовой деятельности Канкрина военные расходы были, несмотря на три большие войны, понижены со 187 до 151 млн., только в последние годы этого периода деятельности Канкрина военные расходы опять повысились до 169 млн., но, тем не менее, они почти на 20 млн. были меньше, чем когда он вступил в управление делами. Это – факт почти беспримерный в истории наших финансов. Как известно, расходы на армию и флот почти всюду постоянно возрастают и притом весьма быстро. Канкрин же достиг их понижения, и нечего указывать на причину этого отрадного результата: она заключалась не только в твердости характера Канкрина, с замечательной энергией отражавшего все попытки повышения военного бюджета, но и в том обстоятельстве, что он сам был замечательным военным администратором. К нему нельзя было обращаться с простым требованием денег; он подвергал всякую статью расхода компетентному и глубокому анализу и с неопровержимыми данными в руках доказывал, что то или другое предположение военного министерства может быть осуществлено с затратой гораздо меньших сумм. Его критика военных расходов направлялась преимущественно на заготовление продовольствия для армии: он неумолимой рукой раскрывал все злоупотребления, хищения, и этим путем добился, что, несмотря на сокращение военного бюджета, уровень боевой готовности нашей армии нисколько не пострадал и она с успехом выдержала три войны, из которых одна была ведена с несомненным блеском. Как благотворно отражалось и в этом отношении влияние Канкрина, видно из того, что адрианопольский поход 1829 года и подавление польской революции в общем обошлись нам всего в

600 млн. ассигнациями, между тем как для ведения последней нашей турецкой войны нам, как я уже указывал, пришлось сделать долг в один миллиард 200 млн. руб. серебром.

Столь же успешны были результаты финансовой деятельности Канкрина и в других отношениях. Если он строго относился к военным расходам, то не менее энергично сокращал все излишние расходы и в своем собственном ведомстве. И тут мы наталкиваемся на факт весьма редкий в истории финансов. Путем различных сбережений и преимущественно пресечения разных хищений Канкрин сократил расходы по своему министерству на 24 млн., что по тогдашнему времени было суммою огромною. Таким образом, по двум министерствам он сделал в течение двенадцати лет сбережений более чем на 600 млн., то есть с лихвою покрыл расходы по трем большим войнам. Вместе с тем он с первого же года своего управления министерством уничтожил дефицит в нашем бюджете, принявший при Гурьеве размеры истинного финансового бедствия. Мало того, придерживаясь принципа, что истощенный народ, каким был тогда русский, ни в каком случае не должен подвергаться более тяжелому податному бремени, Канкрин строго избегал повышения налогов, особенно подушной подати и налога на соль, и, тем не менее, он добился увеличения государственных доходов на 31 млн. без всякого нового отягощения народа, – путем естественного роста благосостояния страны и податной ее силы. Горные доходы (Канкрин, как известно, деятельно заботился о развитии горного дела в России) возросли с 8 до 19 млн.; таможенные же доходы – с 30 до 81 с половиной млн.

Это возрастание таможенных доходов наводит нас на рассмотрение Другой стороны деятельности Канкрина. Собственно, высокий покровительственный тариф был установлен еще до Канкрина в 1822 году. Но не подлежит никакому сомнению, что Канкрин, хотя и не находился тогда у дел, сильно повлиял, как в государственном совете, так и иными путями, на отречение нашего правительства от установленной в 1819 году более либеральной торговой политики. В то время появилась записка, в которой эта система подвергалась беспощадной критике, и сам Канкрин признает, что он в качестве министра финансов старался только развить и дополнить начала, положенные в основание этой записки. Трудно сомневаться, что автором ее был сам Канкрин и что вообще высокий тариф 1822 года является делом по преимуществу рук Канкрина. Следовательно, и ответственность за этот тариф должна быть возложена на него.

Канкрин и в прежнее время, и до сих пор осуждается одними

и восхваляется другими за его протекционизм. Пишущий эти строки – горячий приверженец свободы торговли и в течение двадцати лет защищал ее по мере сил в нашей печати. Мы упоминаем об этом, чтобы предупредить всякие нежелательные недоразумения в смысле пристрастия к торговой политике Канкрина. Но мы думаем, что наши фритредеры произносят над ним слишком строгий приговор, усматривая в его протекционизме недостаточное знакомство с экономической наукой, приверженность к рутине и т. д. Когда Канкрин проходил университетский курс, идеи Адама Смита были еще мало распространены в Германии. В начале нынешнего столетия меркантильная школа имела громких представителей в экономической науке; мало того, это направление возродилось с необычайным блеском и силой в конце тридцатых и начале сороковых годов в лице такого замечательного экономиста, каким был Лист. Не забудем, кроме того, что и в настоящее время большинство государственных людей в Европе придерживаются не фритредерских, а протекционных начал, и что по большей части те экономисты, которые действуют не только в кабинете, но и в самой жизни, более или менее склоняются в сторону протекционизма. Поэтому нам кажется, что упрекать Канкрина в его научной *отсталости* за то, что он придерживался протекционных начал, по меньшей мере несправедливо.

С другой стороны, не следует упускать из виду, что результаты либерального тарифа 1819 года оказались на первый раз для России невыгодными. В 1820 году наши торговые обороты возросли; но в следующем уже году они значительно понизились, и такое же понижение произошло в 1822 году, а в 1823-м наши внешние торговые обороты, несмотря на высокий покровительственный тариф, начали снова увеличиваться. Таким образом, научные начала, воспринятые Канкриным в молодости, впечатления, вынесенные им в раннем периоде детства на родине в Ганау, где население процветало благодаря мануфактурной промышленности, его позднейшие размышления над экономическими вопросами, направленные к облегчению участи народных масс и нашедшие себе выражение в его книге о “Мировом богатстве”, наконец опыт, вынесенный им в первые годы его управления министерством финансов, – все это соединилось, чтобы укрепить его в протекционных началах.

Канкрин был по преимуществу ум практический. Отдаленное будущее его занимало меньше, чем требования данной минуты. Когда речь касалась будущего, он, думая о судьбе горячо им любимого русского народа, представлял себе Россию, пересеченной во всех направлениях железными дорогами,

пользующейся благами свободного торгового обмена со всеми народами, но тем не менее он на практике ничего не делал для достижения этой цели. Напротив, он энергично восставал против свободы торговли, а впоследствии – и против железных дорог. Однако это не было противоречием, это не было недомыслием слабого ума. Когда он восставал против свободы торговли, он руководствовался опасением, что невежественный, неподготовленный к промышленной борьбе русский народ станет жертвой народов, более искушенных в этой отрасли борьбы за существование. Когда он впоследствии восставал против железных дорог, его страшила мысль о громадных капиталах, которые придется затратить на их сооружение, о непосильном бремени процентов, которое придется нести русскому народу; его страшила и мысль, что эти громадные издержки будут на первый раз отчасти непроизводительны, потому что громоздкое русское сырье не представляет собой удобного груза для перевозки по рельсовым путям. Тут с Канкриным повторилось то же, что и в вопросе об освобождении крестьян: будучи страстным сторонником освобождения, он предложил программу, которая его отсрочивала на многие десятилетия. Он думал, что быстрое решение этой грандиозной реформы может нанести самому народу во многих отношениях большой экономический вред.

Можно ли, однако, утверждать, что Канкрин не сознавал и опасности защищаемого им протекционизма? Внимательное чтение его трудов не позволяет нам отвечать на этот вопрос утвердительно. Канкрин видел, что все народы, не исключая и английского, придерживаются на практике охранительной системы. Не следует забывать, что, как в конце прошлого столетия, так и в конце нынешнего, Англия занимала первенствующее, почти исключительное положение в нашей внешней торговле: все товары, которые мы выписывали из-за границы, были английские; Англии же мы продавали почти исключительно наше сырье. Континентальная система, к которой мы примкнули в угоду Наполеону I, нанесла большой вред нашему народному благосостоянию, так что император Александр I вынужден был в 1809 году облегчить нашу внешнюю торговлю, открыв архангельский, рижский, ревельский и петербургский порты для всех товаров, доставляемых морем из “Тенерифа”. Это было, в сущности, полным нарушением континентальной системы, потому что английские корабли, прибывавшие к нам под флагом Тенерифа, привозили нам иностранные товары и увозили наши. Пострадав так сильно от континентальной системы, Россия охотно усвоила себе либеральную теорию известного экономиста Шторха, горячего

последователя Смита, и своими тарифами, особенно в 1817 и 1819 годах, открыла иностранным товарам почти свободный доступ в пределы России.

Но тем временем другие страны одумались, – одумалась и сама Англия. Ее товары имели свободный доступ в Россию, а наши товары не допускались в Англию. Таким образом, и нашей, еле зарождавшейся, промышленности, и нашему земледелию был нанесен чувствительный удар, и тариф 24 марта 1822 года как бы послужил признанием совершенной нами при данных обстоятельствах ошибки.

Канкрин придерживался в международных торговых отношениях дарвиновского принципа о борьбе за существование, в которой погибает всегда слабый. Он думал защитить русский народ, вступая в решительную таможенную борьбу с теми, кто в силах и намерен его эксплуатировать. Но в то же время он утверждал, что эта цель не будет достигнута запретительными или чрезмерно высокими пошлинами.

“Если, – говорит он в одном из своих трудов, – подобными пошлинами имеется в виду поднять отечественное мануфактурное производство, то этот взгляд ошибочен: с одной стороны, предоставляя фабрикам *монополию,* они *остановят* успехи промышленности; с другой – они заставят одну часть народа платить чрезмерные цены, следовательно, *обессилят* многие отрасли производства и возложат на народ *жертвы,* которые могли бы найти себе лучшее применение”.

Таким образом, мы видим, что Канкрин вовсе не был таким ярым протекционистом, каким его обыкновенно у нас выставляют. Оценку его экономической системы мы постараемся сделать, однако, в другом месте, а тут мы хотели только выяснить те соображения, которыми он руководствовался в своей деятельности, направленной к ограждению внешних торговых интересов России, в первое время управления министерством финансов.

Глава IV

Канкрин восстанавливает откупа. – Его взгляд на питейный доход. – "Маркие" дела. – Недоверие Канкрина к чиновничеству, дворянству, крестьянству. – Канкрин и Сперанский. – Донесение директора канцелярии III Отделения. – Деятельная, но безуспешная интрига

Кроме вопроса об установлении правильной торговой политики, Канкрину пришлось решать еще и другие вопросы первостепенной государственной важности, именно урегулирование питейного дохода и восстановление ценности ассигнационного рубля.

Что касается до второго вопроса, то Канкрин не чувствовал себя в силах решить его немедленно и полагал, что он вообще должен быть решен лишь с соблюдением необходимой осторожности. Заключение займов для изъятия из обращения излишних бумажных денег он признавал мерой совершенно несостоятельной: он решительно восставал против превращения беспроцентного долга в долг процентный, то есть против отягощения народа тяжелым бременем, которое было бы на него наложено в случае, если бы ему ежегодно пришлось уплачивать проценты по громадному долгу, заключенному для погашения ассигнаций. Равным образом он признавал нецелесообразным погашать ассигнации, уделяя известную часть государственных доходов на эту цель. Он был убежден, что целесообразнее всего не приносить новых жертв для погашения излишка бумажных денег, но, с другой стороны, строго избегать новых выпусков. Эта система *в его руках* действительно оказалась целесообразною. Несмотря на войны, неурожаи, разные народные бедствия вроде голода и холеры, он в течение семнадцати с лишком лет не выпустил ни одного бумажного рубля и этим достиг того существенного результата, что фиксировал курс наших ассигнаций: с момента его вступления в министерство до постепенного извлечения ассигнаций из обращения они держались на одном уровне, то есть за ассигнационный рубль платили 25 – 27 коп. серебром. Предупреждал же он новые выпуски образованием значительных сбережений на случай непредвиденных расходов: так, уже в 1825 году у него был накоплен военный фонд в 120 млн. рублей.

Однако Канкрин был сильнейшим образом озабочен отсутствием у нас твердой денежной единицы, путавшим все расчеты и отражавшимся чрезвычайно тяжело на благосостоянии народа. Поэтому он задумал целый план восстановления

денежной единицы, но план этот должен был осуществиться лишь постепенно по мере благоприятных для этого обстоятельств. Как известно, он достиг в этом отношении блестящего результата, но уже в конце своей деятельности.

Другой вопрос первостепенной государственной важности не допускал, однако, отлагательства. Это был вопрос об урегулировании питейного дохода. Канкрин, как известно, восстановил откупную систему, и это ставится ему в грех. Мы и тут пока воздержимся от оценки этого мероприятия и постараемся только выяснить те мотивы, которые заставили его, несмотря на горячую защиту народных интересов, восстановить систему, прямо клонившуюся, по-видимому, к нарушению народной пользы.

Когда Канкрин в 1838 году был приглашен преподавать финансы наследнику престола, будущему императору Александру II, он начал лекцию о питейном доходе, напомнив своему ученику слова царя Алексея Михайловича, который еще в 1564 году решительно осудил откупную систему и провозгласил откупщиков врагами Бога и людей. В своих экономических трудах и путевых набросках он постоянно возвращается к этому вопросу и высказывает ту мысль, что облагать налогом народный порок *безнравственно.* Когда же в государственном совете на него накинулись за намерение восстановить откупную систему, Канкрин возразил: “Я согласен с вами, батушки (любимое его словечко); я брошу откупа, но укажите мне, чем их заменить, дайте мне другой, равный источник дохода”.

Словом, Канкрин как просвещенный деятель, чрезвычайно чуткий к народным интересам, понимал весь вред и даже безнравственность питейного дохода и, тем не менее, восстановил его в наиболее, по-видимому, несостоятельной его форме. Чем это объяснить?

Представим рассуждения самого Канкрина. В 1826 году он поверг на высочайшее усмотрение записку, в которой обстоятельно изучает различные системы и приходит к выводу, что между всеми откупная – наиболее целесообразная в данное время. Впрочем, он в этой записке мало останавливается на вынесенном нами опыте; он только сопоставляет разные системы, действующие в Европе.

Между тем, не далее, как за семь лет до восстановления Канкриным откупов, откупная система была у нас отменена и было введено казенное управление, главным образом, вследствие встретившихся затруднений при расчетах с откупщиками. В 1819 году было введено казенное управление, и оно дало сначала блестящие результаты, но вскоре доходы понизились на 40 %, и,

кроме того, по общему отзыву пьянство усилилось в народе в тревожных размерах. Таким образом, казенное управление оказалось хуже откупов.

Предпослав эту историческую справку, мы обращаемся к соображениям самого Канкрина. Он исходит из той мысли, что прежде всего надо позаботиться, во-первых, об уменьшении в народе пьянства (до одной чарки в день), а во-вторых, оградить чиновников против постоянного искушения. Заметим, кроме того, что он в своих соображениях постоянно ссылается на мнение “публики”, приписывающей развитие пьянства среди народа и дешевизну хлеба именно отмене откупов. В устах Канкрина эта ссылка на мнение публики имеет немаловажное значение. Я указывал уже, с каким вниманием Канкрин относился к просителям: он их принимал не только в будни, но и по праздничным дням, отрываясь часто даже от серьезных работ, чтобы выслушивать их. Особенно он любил беседовать с деловыми людьми, с купцами, крестьянами. Лиц, к нему приближенных, удивлял тот факт, что самые интересные для него беседы он, по-видимому, вел именно с людьми, общества которых обыкновенно избегают образованные классы. Кроме того я упоминал уже, что Канкрин в молодости состоял бухгалтером у откупщика и до конца десятых годов много путешествовал по России и исполнял такие поручения, вел такие дела, которые дали ему возможность изучить наш народ. Поэтому его ссылка на “публику” нас убеждает, что он в своих соображениях руководствовался не только своим субъективным мнением, но и мнением многочисленных лиц, которые на практике имели возможность наблюдать сравнительные достоинства откупной системы и казенного управления.

Он отмечает общее нерасположение к казенному управлению.

> “Ныне, – говорит он, – публика полагает, что возобновлением откупов оживилась бы внутренняя промышленность; многие могли бы поправить расстроенное свое состояние законным образом; корчемство уменьшилось бы надзором откупщиков; вредный класс винопродавцов, поглощающий вместе с чиновниками, вероятно, до 24 млн. руб. в год, уничтожился бы; тогда как прибытки откупщиков всегда были умеренные и доставались в руки, могущие употребить капиталы свои с лучшей пользой” (Невольно тут вспоминается Гоголь, также прекрасно изучивший русскую народную жизнь и пытавшийся двадцать лет спустя выставить в лице Муразова, то есть откупщика,

один из немногочисленных положительных типов, встречающихся в его бессмертных произведениях).

Затем Канкрин, однако, оговаривается и высказывает и тут ту мысль, что “желательнее всего было бы заменить питейный сбор другими налогами, но что ни один из них не может дать столько, сколько дает казне питейный доход, а увеличение существующих налогов может вызвать большие неудовольствия”.

Каковы же, по мнению Канкрина, сравнительные достоинства разных питейных систем?

> “Известно, – говорит он, – что значит акциз в Англии, соединенные пошлины во Франции, бывший в Пруссии акциз и подобные финансовые учреждения в других землях: они почитаются величайшим, но неизбежным злом, и к сожалению сказать должно, что финансы вообще и везде немалой частью основаны на таких доходах, кои в существе своем тягостны, неблаговидны и сопряжены с неприятным фискальством, коим бы лучше не быть, но без коих нельзя обходиться при необходимости столь огромных расходов, коих ныне требует существование государств. Таково несовершенство дел человеческих”.

Останавливаясь на замене казенного управления акцизом, Канкрин признает необходимым “учредить повсеместно вольную продажу вина и оставить этот промысел совершенно свободным и неограниченным, без чего не может быть акциза, и учредить акцизное управление”. Но эта система пугает Канкрина; Он предвидит, что пьянство в народе страшно усилится и что все помещики начнут заниматься “шинкарством”. Кроме того, он склонен думать, что потребуется громадный штат чиновников для контроля за свободным промыслом и что тем не менее доходы государства сократятся, потому что чиновники не в состоянии будут противостоять искушению брать взятки. Таким образом, ему эта система представляется пагубною во всех отношениях: в народе она разовьет пьянство, в помещиках – безнравственность, в чиновничестве – взяточничество и в конце концов приведет еще к сокращению доходов государства, то есть помешает достижению той главной цели, ради которой устанавливается безнравственный питейный доход.

Существует еще одна система, то есть “гуртовой платеж по губерниям, состоящий в раскладке настоящего питейного дохода на губернии и в обращении его из косвенного налога в прямой”. Эту систему Канкрин также отвергает, во-первых, вследствие

трудности справедливой раскладки, а во-вторых, потому, что в случае введения этой системы дело пришлось бы поручить дворянству, а это признается им неудобным.

“Если, – говорит он, – дворянское управление почитается лучше казенного, то сие происходит именно оттого, что на оное не возложены *затруднительные, интересные и маркие дела.* Люди всегда одинакового свойства; названиями никто не поправляется, и нередко случалось, что предводители просились в вице-губернаторы. Это – черта нравов”.

Последние слова требуют пояснения. Вице-губернаторы тогда заведовали питейными сборами при казенных палатах. Однажды еще при императоре Александре I съехались в Петербург до двадцати губернаторов, что обратило на себя внимание государя. Тогдашний знаменитый каламбурист А. Л. Нарышкин заметил по этому поводу: “Я хорошо знаю, отчего все эти губернаторы приехали в столицу”. “Зачем же?” – спросил государь. – “Всеподданнейше просить Ваше императорское величество обратить их из губернаторов в вице-губернаторов”. Действительно, места вице-губернаторов считались до того доходными, что от кандидатов на них не было отбоя. Когда Канкрин вступил в должность, многие вице-губернаторы слетели и были заменены деятелями, лично известными Канкрину своей честностью. Но случалось, конечно, что и он ошибался, что и его выбор оказывался неудачным. Так, Канкрин назначил вице-губернатором известного нашего баснописца и журналиста Измайлова. Тот, однако, угодил под суд и умер в нищете. С тех пор Канкрин, назначая кого-нибудь в вице-губернаторы, обыкновенно спрашивал его: “Фи, батушка, стихов не пишете?”

Но мы отвлеклись от основного содержания записки Канкрина. Если спросить себя, почему он высказывался и против акцизной системы, и против казенного управления, и против гуртового платежа по губерниям, то ответ может быть только один: в его душе гнездилось глубокое недоверие к чиновникам, к дворянам и к народу. Он не верил в честность чиновников, в нравственную стойкость дворян, в воздержанность крестьян. Он знал, что, какую бы систему ни ввести, все равно она послужит источником бесконечных злоупотреблений, продажности, лихоимства. Он спрашивал себя только, – какая система более всего ограждает с одной стороны народ, с другой чиновничество и дворянство. Ему хотелось оберечь последних от “интересных и марких дел”, – как он выражался, вечно “сражаясь с русским языком, не зная оный фундаментально”, но высказывая на своем “штиле” иногда очень глубокие мысли. Восстанавливая откупную систему, он несомненно оберег до известной степени чиновников

и дворян от “марких дел”. Но оградил ли он крестьян от распространения пьянства? Многие утверждают, что с отменою откупов пьянство в нашем народе увеличилось: на это указывает громадное возрастание питейного дохода. Но мы здесь не вдаемся в оценку откупной системы, – мы хотели только указать на те мотивы, которые заставили Канкрина предпочесть ее другим системам. Отметим еще, что в то время результаты акцизной системы не выяснились настолько, как теперь, что осторожный Канкрин всегда предпочитал известное неизвестному и что наконец при нем откупная система не могла давать таких печальных результатов, как впоследствии, особенно же во время и после крымской войны, когда она вызвала против себя общее нарекание и сделалась крайне непопулярной. Канкрин умел держать откупщиков в руках; он внимательнейшим образом следил за ними и, где только проявлялись злоупотребления с их стороны, он поступал с ними очень строго. Понятно, что только благодаря такому беспощадному контролю откупная система при Канкрине могла до известной степени пользоваться сочувствием общественного мнения, или, как выражался наш министр финансов, “публики”.

Но, тем не менее, в государственном совете на Канкрина сильно косились вследствие восстановления им откупов. Его финансовые мероприятия встречали оппозицию с двух сторон. Восставали против них, во-первых, тогдашние западники, которые ставили себе в образец Англию с ее государственными порядками. Во главе этой партии находился известный Мордвинов, женатый на англичанке и очень склонный переносить английские порядки в Россию. Надо, однако, в то же время заметить, что другие видные деятели, не менее дорожившие опытом более цивилизованных народов, в том числе главным образом Сперанский, не вступали с Канкриным в оппозицию, а напротив высоко ценили его государственную деятельность. Отношения между Канкриным и Сперанским были всегда прекрасные, и взгляды этих двух деятелей по всем государственным вопросам того времени более или менее совпадали. Нам известен только один случай кратковременного столкновения между ними, вызванного реформою местного управления. На составленный Сперанским в 1826 году “проект учреждения для управления губернии” Канкрин сделал довольно существенные замечания, которые вызвали раздраженную реплику со стороны Сперанского. Разногласие обусловливалось преимущественно тем, что Канкрин опасался усложнения губернского делопроизводства, а следовательно, канцелярщины и формалистики, против которых он боролся всю свою жизнь.

Правда, резкая и прямая натура Канкрина составляла противоположность с мягкими и уклончивыми приемами Сперанского, – последствие пережитых им невзгод. Поэтому Канкрин иногда называл Сперанского “старым иппокритом”, но его уважение к Сперанскому выражалось в том факте, что он не принимал ни одной существенной меры, не подвергнув ее предварительному рассмотрению Сперанского и очень внимательно относясь к его возражениям и замечаниям. Поэтому неудивительно, что биограф Сперанского, Корф, столь высоко ставящий его государственные заслуги, в то же время говорит о “гениальной даровитости” Канкрина и отмечает тот факт, что, если после николаевских времен настала эпоха великих реформ, то в значительной степени благодаря влиянию трех деятелей: Жуковского, Сперанского и Канкрина, – умевших в качестве преподавателей наследника престола, каждый в своей сфере, внушить будущему монарху просвещенные и глубокие взгляды на управление страною.

Как бы то ни было, в высших, правительственных сферах существовала партия, которая не одобряла деятельности Канкрина. Эта оппозиция происходила со стороны Мордвинова и его сторонников на почве преимущественно теоретической и вызывалась, как я уже упомянул, желанием поскорее приобщить Россию к общеевропейской культуре. Канкрин, конечно, был также приверженцем западных порядков, но его практический ум всегда ясно видел реальные препятствия, встречаемые той или другой реформою; он сперва подготовлял почву для нее, он шел медленно, но верно. Развивая кипучую деятельность, не щадя собственного труда и труда своих помощников, он в то же время как будто шел очень медленно вперед. Мы видели уже, каких блестящих результатов он добился в финансовой области; мы дальше увидим, что и в смысле распространения народного образования он сделал очень много, но в других вопросах, не менее существенных, он мог казаться отсталым человеком, именно вследствие его крайней, иногда даже, быть может, чрезмерной осторожности. Это создавало ему врагов, хотя и немногочисленных, но влиятельных.

С другой стороны, он наталкивался на оппозицию иного рода. Он страстно, почти фанатично, если в таком деле может идти речь о фанатизме, преследовал взяточничество, должностные злоупотребления, обирание казны. Прилагая всевозможные заботы к тому, чтобы обеспечить материальное положение чиновников (в своем ведомстве он постепенно увеличил их жалованье на 60 %), он в то же время энергически преследовал все незаконные средства увеличения ими своих доходов. Таким

образом, он создал себе много врагов в самой администрации и в тех слоях общества, которые привыкли прибегать к нечистым средствам для своих нечистых дел. Особенно среди купечества замечалось нередко сильное нерасположение к Канкрину, к этому “немцу”, не понимавшему-де России и губившему ее. Чиновники и купцы подавали друг другу руки и дружно по временам шли против нелюбимого министра финансов. Волна надвигалась снизу и захватывала собою те элементы наверху, которые привыкли смотреть на министра финансов как на щедрого раздавателя казенных денег. Особенно в начале деятельности Канкрина, когда еще не убедились в безграничном доверии, которым пользовался Канкрин у государя, против него велась деятельная и сильная интрига, впоследствии ослабевшая, но тем не менее не унимавшаяся до выхода Канкрина в отставку. Чтобы иллюстрировать нами сказанное, приведем здесь отрывки из донесений тогдашнего директора канцелярии Третьего отделения, М. М. Фока, шефу корпуса жандармов, знаменитому Бенкендорфу. Вследствие событий 14 декабря 1825 года возник “тайный надзор”, члены которого доставляли Фоку сведения о настроении общества. На основании этих сведений и составлялись донесения Фока, повергавшиеся на усмотрение императора Николая Павловича. Так, один из корреспондентов пишет:

> “Ничего нет хуже принятой у нас финансовой системы… Если Гурьев начал управление так, что стал действовать противно интересам правительства, то Канкрин постарался увеличить зло, расширив пропасть, над которой стоят наши финансы… Московские купцы во всеуслышание проклинают Канкрина, говоря, что он – причина всех испытанных ими неприятностей, что государь обманут ложными донесениями и что спокойствие до тех пор не будет восстановлено, пока Канкрина не удалят от дел… Настроение умов удовлетворительно только в низших сословиях; далеко нельзя того же сказать о высшем и среднем классе населения. Если послушать, так окажется, что задеты частные интересы некоторых выдающихся личностей. Купечество восстает против финансовой системы Канкрина, падение которого, как уверяют, весьма близкое, не возбудит ни в ком сожаления… Начинили манифест статьями сочинения министра финансов, виды которого далеко не соответствуют видам доброго патриота, что совсем не политично с его стороны, так

как он и без того уже пользуется очень дурной славой в обществе, которое он бравирует, не думая, что это никогда не проходит даром”.

Мы видим, следовательно, что против Канкрина велась очень деятельная интрига, но она оказалась безуспешною, потому что блестящие результаты его управления слишком громко свидетельствовали в его пользу. Полное расстройство финансов, вызванное управлением Гурьева, сменилось процветанием. Дефицит был устранен уже в 1824 году; оскудение казны сменилось значительными запасами: у Канкрина всегда были деньги, но расходовать их непроизводительно, без крайней надобности, он никому не позволял; во всех отраслях государственного хозяйства установился образцовый порядок, бесконечное обирание казны было искоренено, государственный кредит России достиг такой устойчивости, такого блеска, что наше отечество могло в случае надобности занимать на европейских денежных рынках деньги на самых выгодных условиях, фонды наши ценились выше нарицательной их стоимости. Государственный деятель, противопоставляющий бездоказательным обвинениям и клевете такие факты, может относиться равнодушно к злобе и шипенью тех, кому он не дает наживаться за казенный счет. В нашей государственной жизни трудно приискать другой пример такого равнодушного отношения ко всем интригам, какой представляет собою Канкрин. Он почти никуда не выезжал, редко с кем встречался вне исполнения своих служебных обязанностей, никогда не бывал в обществе, на балах, обедах, сидел постоянно за работою в своем кабинете, мало того, беспощадно указывал на всякие злоупотребления, всех язвил своим остроумием, своими резкими выходками, его остроты насчет глупости, продажности, бездарности передавались из уст в уста; он нажил себе ими, быть может, еще более врагов, чем своим бескорыстием, своею честностью, своею нетерпимостью к чужим грехам, – и тем не менее он твердо держался на своем посту, никому не удалось столкнуть его с “огненного стула” русского министра финансов, как он сам выражался, вытеснить его из той ответственной должности, которую он занял единственно благодаря своим заслугам и которую он сохранил за собою до окончательного истощения сил также только благодаря своим заслугам.

Глава V

Просвещенный протекционизм Катерина. – Технологический и Лесной институты. – Заботы Канкрина о распространении технических знаний. – Учебные заведения, основанные или преобразованные им. – "Земледельческая газета" и другие специальные органы. – Канкрин и Гумбольдт. – Путешествие Гумбольдта на Урал

Только благодаря такому настроению Канкрина, то есть его глубокой вере, что дело будет говорить само за себя и что все направленные против него интриги окажутся вследствие этого безуспешными, ему удалось посвятить себя всецело плодотворному труду, и там, где другие государственные люди думали только о том, как бы разными искательствами навербовать себе побольше сторонников, как бы удачнее подставить ножку сопернику, он, отбросив всю эту недостойную игру, думал только об успешном исполнении принятых им на себя обязанностей. Наряду с приведением финансов России в образцовый порядок его занимал еще другой не менее, по его мнению, существенный вопрос. Смолоду он привык смотреть на мануфактурную промышленность и на горное дело как на наиболее верные источники благосостояния страны. В какой мере этот взгляд на дело оправдывался по отношению к России – другой вопрос. Быть может, при блестящих дарованиях Канкрина деятельность его дала бы еще более видные результаты, если бы он не был так исключителен в своих экономических воззрениях, если бы он оказал такую же просвещенную и неусыпную поддержку земледелию, какую он оказал мануфактурной промышленности. Мы этой стороны дела тут касаться не будем; остановимся только на результатах его забот о мануфактурной промышленности России. В этом отношении Канкрин несомненно заслуживает названия русского Кольбера[9], с которым его связывает и однородность экономических воззрений. Канкрин, как и Кольбер, был убежденным меркантилистом. Он никогда не сочувствовал экономической школе Адама Смита. Он полагал, что воззрения великого творца политической экономии, пригодные для Англии, будут со временем пригодны и для других стран, когда те достигнут такого же промышленного развития, но что государство, находящееся еще в младенческом состоянии, не может с пользою придерживаться принципов, провозглашенных английским экономистом. Покровительство отечественной мануфактурной промышленности, всевозможное распространение промышленного образования, развитие горного дела, успешная

добыча драгоценных металлов – вот на что главным образом было обращено внимание Канкрина. Нельзя сказать, чтобы он не заботился о распространении земледельческих успехов. Напротив, он и тут проявлял изумительную деятельность, прилагал всевозможные усилия, чтобы предохранить наши леса от истребления, чтобы содействовать распространению сельскохозяйственных знаний, но все-таки он с особенной любовью посвящал себя делу развития мануфактурной и горной промышленности, и это его настроение ясно проявилось и в результатах его деятельности.

В труде, в котором он изложил опыт, вынесенный им в течение сорокалетней административной практики, в “Экономии человеческого общества”, встречается следующее место:

> “Ошибаются те, кто думает, что русская фабричная промышленность существует только благодаря помощи правительства. Промышленность эта сама по себе теперь сильна. Вот уже двадцать пять лет, как не сделано ни одной важной жертвы для поддержания отечественных фабрик. Их процветание было достигнуто другими средствами. С 1823 года приняты всевозможные меры для усовершенствования русской промышленности. Издаются коммерческая газета и мануфактурный журнал; за границей содержатся агенты, чтобы узнавать все новейшие открытия и усовершенствования; заведена правильная выписка узоров из-за границы; привлечены в Россию искусные мастера; учрежден мануфактурный совет с отделениями и корреспондентами; основаны технологический институт и промышленные школы; установлены правильная посылка молодых людей за границу, промышленные выставки в Москве и Петербурге с назначением наград и отличий; учреждены бесплатные школы рисования; издан устав, улучшающий полицейский надзор за работами, и принято много других мер, о которых я умалчиваю”.

Действительно, этот перечень далеко не может, как мы сейчас увидим, считаться полным; но он во всяком случае убеждает, что Канкрин прекрасно понимал невозможность создать цветущую фабричную промышленность при помощи одних таможенных пошлин. В значительной степени содействовав установлению высокого таможенного тарифа 1822 года, он в течение всей своей дальнейшей жизни старался, как он сам выражается, усовершенствовать этот тариф, но не в смысле его повышения, а в смысле устранения невыгодных его сторон. Мы не станем

перечислять здесь все перемены, произведенные в этом отношении; мы укажем только на один характерный факт. В одну из своих поездок в первопрестольную столицу он остановился по своему обыкновению в горном правлении на Моховой (ныне архив министерства народного просвещения) и пользовался всякой свободной минутой, чтобы вступать в общение с разными лицами, которые могли ему сообщить полезные сведения. В Москве он, как и в Петербурге, работал целый день, а когда уставал, то надевал шинель военного покроя в рукава, подпоясывался носовым платком, осматривал строения, вникал во все мелочи (заметим, кстати, что сад на дворе архива министерства народного просвещения также обязан ему своим возникновением: он указал его размеры и распланировал его сам), а под вечер в столовой принимал всех, кто имел к нему надобность, причем происходили иногда сцены чрезвычайно характерные. Так, г-н Селиванов, передающий эти подробности из жизни Канкрина, рассказывает, что однажды во время такого приема он при многих свидетелях назвал весьма видное должностное лицо, злоупотребления которого незадолго перед тем обнаружились, прямо “вором”. Случилось как-то, что дежурным чиновником при горном правлении был некто Селивановский, сын известного типографщика. Канкрин вступил с ним в беседу и осведомился о том, как идет типографское дело в Москве. Селивановский ему разъяснил, что типографское, а вместе с тем и книжное дело сильно тормозятся высокой пошлиной на типографские краски. Канкрин промолчал, но вскоре за тем соответственная ставка тарифа была значительно уменьшена.

Мы привели этот факт, чтобы показать, как чутко Канкрин относился к интересам просвещения. И действительно, стоит вспомнить, что он сделал в этом отношении, чтобы понять, что он вовсе не был таким узким протекционистом, каким его обыкновенно изображают. Почти тотчас по вступлении в должность министра финансов он начал разрабатывать план учреждения в Петербурге технологического института. Несмотря на трудность и сложность чисто финансовых его обязанностей, он находил время обсудить во всех подробностях будущую организацию этого учебного заведения, которое признавалось, когда оно возникло, иностранными специалистами образцовым. Цель его очень ясно формулирована самим Канкриным в одном из его писем к Гумбольдту, о которых речь у нас впереди.

> “Война, – писал он знаменитому ученому, – не может удержать меня от учреждения большого

практического технологического института. Россия совсем не имеет располагающего средними теоретическими знаниями класса людей, который ей крайне нужен в самых разнообразных отраслях труда”.

Такова была основная мысль Канкрина при учреждении Технологического института. К сожалению, эта основная цель была впоследствии упущена из виду, и теория начала преобладать над практикой. Как бы то ни было, Канкрин с свойственной ему страстностью принялся за осуществление своей мысли. Проходил редкий день, чтобы он не посетил так называемого волынского двора, где было избрано место для института. Он сам составил план постройки и внимательнейшим образом следил за производством работ, радуясь, что ему приходится взбираться все выше и выше по лесам на здания, пока их не подвели под крыши. В то время, как слава русского оружия гремела во всей Европе, Канкрин сооружал свой Технологический институт и радостно отпраздновал день открытия первого созданного им большого учебного заведения.

Почти с такой же любовью занимался он и устройством Лесного института. Уже в то время Канкрин был глубоко опечален тем явлением, что наши леса исчезают вследствие хищнических наклонностей и отсутствия правильного лесного хозяйства. В своих письмах к Гумбольдту он неоднократно сетует на это, и если в России еще в тридцатых годах положено хотя бы только слабое основание более нормального лесного хозяйства, то несомненно в значительной степени благодаря просвещенной деятельности Канкрина. Сам Канкрин говорил, что время, проведенное им в летние месяцы в Лесном, когда он обдумывал организацию этого второго своего учебного заведения, было лучшим временем в его жизни, потому что организаторские его способности применялись тут к делу, наиболее родственному его душе. Однажды в беседе с другим русским деятелем, трудившимся вместе с ним над промышленными успехами России, он заметил:

– То, что мы совершим вместе с вами, останется; другие мои труды пропадут: все, мною накопленное, поглотят казармы, крепости и прочее. Тяжело заведовать финансами, когда они основаны на доходах от пьянства. Я похожу на навозного жука; я вожусь в навозе, чтобы создать весь этот блеск, – и Канкрин указал на берега Невы.

Но, трудясь над созданием Технологического института или проживая в Лесном, он отдыхал душой. Там, в своем Канкринополе, по выражению Плетнева, он обдумывал программу

реорганизованного им Лесного института, проектировал необходимые кафедры, наблюдал за постройками, – и вокруг него все окрестности оживали. Прежде трудно было проехать в Лесной, – Канкрин провел к нему прекрасную дорогу и с необычайной заботливостью, с большой любовью дал жизнь этому второму своему детищу.

Место не позволяет нам подробно выяснить, как он постепенно задумывал и осуществлял все новые учебные заведения. Но мы не можем не представить здесь по крайней мере списка тех заведений, которые обязаны ему своим возникновением или благоустройством и процветанием. Так, кроме Технологического института, созданного им, и Лесного института, также почти им созданного, потому что до Канкрина он представлял лишь намек на учебное заведение со своим развалившимся зданием, без профессоров и вообще сколько-нибудь дельных преподавателей, Горного института, Горыгорецкого земледельческого института, коммерческого училища, мы назовем: воскресные рисовальные школы в Петербурге и в Москве, рисовальную школу для приходящих при Академии художеств с отделениями для девиц и с гальванопластическим отделением (одним из первых в Европе), рисовальные классы при гимназиях, Третью московскую гимназию с техническим отделением и такие же отделения при некоторых губернских гимназиях, технические горные школы, школы торгового мореходства в Петербурге и Херсоне, мореходные классы в Архангельске и Кеми, публичные лекции, посвященные успехам промышленности при всех наших университетах, – словом, Канкрин проявил изумительную деятельность, направленную к распространению технических знаний в нашем отечестве, и нам нечего пояснять, в каком просвещенном духе он действовал в этом отношении. Все новейшие усовершенствования применялись к делу. Так, например, учрежденная им при Академии художеств рисовальная школа для приходящих (впоследствии доверенная обществу поощрения художеств) была обставлена всеми необходимыми принадлежностями для обучения рисованию и другим искусствам, имеющим связь с рисованием, как то: лепка, гравирование на меди и на дереве, гальванопластика, составлявшая тогда совершенную новинку. Мало того, Канкрин понял, какую важную роль в деле быстрых успехов промышленности может играть женщина, и поэтому открывает при школе и отделение для девушек. Это было еще более существенным нововведением. Отметим, кстати, что Канкрин, учреждая немало школ в наших горнозаводских округах, везде

также открывал отделения для девушек. Таким образом, мы имеем полное право причислить Канкрина к ревнителям женского образования и расширения сфер женского труда. Но, возвращаясь к учрежденным или преобразованным им многочисленным учебным заведениям, мы должны еще сказать, что Канкрин, так тщательно оберегавший казенную копейку, никогда не скупился на них и, отказывая в деньгах на другие расходы, всегда находил средства для расширения и усовершенствования своих любимых рассадников технических знаний. Поневоле тут вспомнишь слова, которыми он отвечал на упреки в скупости: “Да, батушка, я – скряга на все, что не нужно”.

Но не только путем учебных заведений он старался распространять технические знания. Все, что вело к этой цели, находило в нем самую горячую поддержку. Мы видели уже, что он постоянно содержал агентов за границей, чтобы следить за всеми успехами промышленности, постоянно посылал молодых людей в другие страны для усовершенствования в науках, выписывал из-за границы искусных мастеров для обучения и подготовки у нас техников, устраивал выставки для соревнования между фабрикантами, – словом, пускал в ход все средства, чтобы двинуть русскую промышленность. В этих же видах он постоянно издавал разные сочинения оригинальные и переводные и, не ограничиваясь этим, позаботился об основании журналов и газет, в которых сам деятельно сотрудничал, несмотря на другие сложные свои обязанности. Благодаря его инициативе, под руководством и с пособием от казны издавалась “Земледельческая газета”, которую он часто обогащал своими статьями; между ними были такие замечательные, как статья о разделении России на пояса по климату, а также произведения, составившие целое событие в нашей сельскохозяйственной литературе и обратившие на себя внимание во всей Европе. Канкрин распорядился, чтобы годовое издание “Земледельческой газеты” обходилось не дороже рубля. Он желал распространить ее между всеми, кто только умел читать. Редактором ее он назначил бывшего директора Царскосельского лицея Энгельгардта, человека, прекрасно усвоившего себе сельскохозяйственные вопросы, и Канкрин добился того, что в числе корреспондентов газеты было немало крестьян, которые сообщали о результатах своих практических опытов по сельскому хозяйству. Не забудем, что это происходило в тридцатых годах, когда просвещение у нас было еще так мало развито. Факт этот интересен и в другом отношении: он показывает, что Канкрин заботился не только о мануфактурной промышленности, но старался двинуть и земледельческую, и если сделал в этом отношении сравнительно

мало, то отчасти и потому, что сознавал бесплодность своих усилий, пока главный тормоз развития земледелия, – крепостное право, – не будет устранен. А как его заботил этот вопрос, видно из одного места его дневников, где он с горечью сознается, что не мог ничего сделать в этом направлении, потому что “один в поле – не воин”. “Я старался сделать из русского крестьянина, – говорит он, – по крайней мере наследственного арендатора, но было слишком рано: отдельный человек не может совершить такое дело”.

Что касается до торговли, промышленности и горнозаводства, то само собой разумеется, что он горячо поощрял все издания, поставившие себе целью содействовать их успеху. “Коммерческая газета”, “Горный журнал” и другие однородные издания были им основаны или пользовались постоянной его поддержкой. По его инициативе появлялись на русском языке извлечения из лучших статей заграничных журналов. Он не скупился и на средства для поощрения иностранных изданий, разрабатывавших вопросы, интересные с точки зрения успехов промышленности в России. И тут, как почти везде, он проявлял широкий взгляд, вполне сознавая, что промышленные успехи зависят от успехов науки вообще и в особенности от успехов естественных наук. С этой точки зрения мы поймем, почему между Канкриным и знаменитым Александром Гумбольдтом завязались такие тесные дружественные отношения.

В двадцатых годах у нас возникла мысль воспользоваться платиной как драгоценным металлом для изготовления монеты. Кажется, мысль эта принадлежит самому Канкрину. Он решил обратиться к Гумбольдту, чтобы заручиться опытом, который вынес последний из своего путешествия в центральную Америку, где уже раньше был найден этот металл. В ответном письме на запрос Канкрина Гумбольдт между прочим упомянул о том, что, может быть, ему когда-нибудь удастся посетить Урал, так как “быть в Тобольске составляет мечту его ранней молодости”. Как только Канкрин получил это письмо, он с чисто юношеским жаром поспешил к Николаю Павловичу и в восторженных выражениях стал его упрашивать оказать покровительство Гумбольдту и принять расходы по его путешествию на казенный счет. Скупость Канкрина проявилась и тут в несколько неожиданном свете. Государь согласился, и нужно прочесть письма Канкрина к Гумбольдту, чтобы понять, с какой горячностью он принялся за устройство этого дела. Тут вполне выразилась не только его преданность науке, но и горячее желание воспользоваться знаниями и опытом Гумбольдта на благо России. Он обдумывает план путешествия во всех

подробностях и старается организовать его так, чтобы Гумбольдту пришлось претерпеть по возможности меньше лишений и неудобств и расположить его к смотру насколько возможно большего числа местностей. Гумбольдту была ассигнована значительная сумма денег. В Берлин ему выслано было 1,2 тысячи червонцев, а по приезде в Петербург выдано на руки 20 тысяч руб. ассигнациями, которые он, впрочем, не все издержал, возвратив из них впоследствии 7 тысяч руб., ассигнованных Канкриным по указанию самого Гумбольдта на путешествие Гельмерсена и Гофмана. Поездка Гумбольдта была обставлена необыкновенными удобствами. На каждой станции его ожидало от пятнадцати до двадцати лошадей. Везде ему приготовлялись самые удобные помещения; где это требовала безопасность, его сопровождал военный конвой; ему представлялись местные власти; в Астрахани его посетили все офицеры местного гарнизона и депутаты от армянского, бухарского, персидского купечества в их живописных костюмах. Как известно, Гумбольдт изложил результаты своего грандиозного путешествия по России (он проехал четырнадцать тысяч пятьсот верст) в своем знаменитом исследовании “Центральная Азия”, составляющем богатый вклад в науку, которым она несомненно в значительной степени обязана содействию Канкрина. Сам Гумбольдт останавливался перед издержками и, как видно из его писем, не решился бы принять в преклонном возрасте такое отдаленное и трудное путешествие, если бы не поощрение нашего министра финансов. Гумбольдт это сам признает в следующих прочувствованных выражениях: “Вам я обязан, – пишет он Канкрину с Урала в 1829 году, – что этот год вследствие огромного числа идей, собранных мной на громадном пространстве, сделался *важнейшим* в моей жизни”.

Из переписки Канкрина с Гумбольдтом видно, с каким живым интересом они оба относились к исследованию Урала и Алтая и какие чувства взаимного уважения их одушевляли. Оказалось, что предположения Канкрина относительно минеральных богатств по большей части вполне оправдались, и Гумбольдт констатирует это, удивляясь прозорливости Канкрина. Оба они жалуются на истощение лесных богатств, особенно печалится об этом обстоятельстве Канкрин и пишет: “Печальное лесное хозяйство побудило меня расширить Лесной институт, чтобы подготовить лесных хозяев для горнозаводских округов. Но все хорошее двигается медленно, дурное летит”. И в том же письме мы находим следующее характерное для Канкрина место: “Вы давно, конечно, знаете о переходе через Балканы... Всякая катастрофа и вообще разрушение поражает человека. Мы знаем, кто разрушил

дельфийский храм; его строитель, если не ошибаюсь, нам не известен". Раньше Канкрин писал Гумбольдту, что война не может его удержать от учреждения Технологического института и расширения Лесного. Видно, что Гумбольдт горячо сочувствовал Канкрину. По поводу пожалованного ему в 1829 году графского достоинства Гумбольдт пишет из Сарепты: "Этот внешний блеск будет напоминать потомству достопамятное время, когда под вашим руководством русские финансы процветали, несмотря на грозную войну".

При личном свидании Канкрин подробно развил великому ученому свои предположения относительно лучшего устройства горнозаводской части в России. Он мечтал о поселении на Урале *свободных* рабочих, снабженных достаточным количеством земли, в качестве полных ее *собственников.* В архиве министерства финансов, вероятно, хранится переписка, которая велась по этому поводу между министерством и местными властями. Последние сделали все, что было в их силах, чтобы затормозить благую мысль Канкрина. Даже его железная энергия оказалась недостаточной, чтобы пробить брешь в каменной стене невежества, предрассудков и своекорыстия. Устроить путешествие Гумбольдта, выяснить громадное значение минеральных богатств России было легче, чем устранить условия, препятствовавшие и до сих пор препятствующие вполне успешной их эксплуатации.

Как бы то ни было, мы видим, с каким уважением относился Канкрин к науке и ее представителям. Между Канкриным и Гумбольдтом установились дружественные, сердечные отношения, не прекращавшиеся до самой смерти Канкрина. О сердечности этих отношений можно судить и по тому факту, что супруга Канкрина, не особенно бойко владевшая немецким языком, писала великому ученому письма на этом языке. "Теперь, – отвечает ей как-то Гумбольдт, – я от вас самой узнал не без гордости, что не только немецкие звуки произносятся вами чисто и красиво, но что вы даже на бумаге удачно справляетесь с трудностями нашего языка". Гумбольдт отпраздновал на Урале шестидесятую годовщину своего рождения. В этот день ему поднесен был подарок – роскошная сабля русского изделия от неизвестного лица. Гумбольдт догадался, что это – подарок Канкрина, и выразил ему благодарность. Вообще Гумбольдт не знал, как и благодарить Канкрина за его внимательное отношение к нему. Канкрина же озабочивало только то, чтобы Гумбольдт не вздумал выразить Николаю Павловичу, как высоко он ценит услуги Канкрина, потому что он устроил все дело так, как будто путешествие Гумбольдта по России состоялось по почину самого государя: он даже просил Гумбольдта в своих

письмах к государю никогда не упоминать о нем. Грубый и резкий Канкрин, очевидно, умел при случае быть скромным и деликатным.

Глава VI

Революция 30-го года. – Канкрин и император Николай Павлович. – Меншиков, Киселев и Канкрин. – Страсть Канкрина к музыке, архитектуре и поэзии. – Его беллетристические произведения. – Его строительная деятельность

Французская революция 1830 года произвела, как известно, сильнейшее впечатление на императора Николая. Он тотчас же хотел приступить к вооружениям, чтобы в союзе с другими правительствами восстановить законный порядок во Франции. Но вмешательство России не состоялось, и мы узнаем из различных источников, что ему главным образом воспротивился Канкрин. Он в почтительных выражениях обратил внимание государя на то, что после громадных жертв на войны с Персией и Турцией Россия нуждается в отдыхе и в сбережениях. Соображения Канкрина повлияли на государя, и новая война была предотвращена.

Вообще надо заметить, что император Николай относился с чрезвычайным уважением к Канкрину. Нельзя сказать, чтобы он всегда охотно подчинялся его советам. В сохранившихся письменных документах ясно видны следы раздражения, с каким император Николай относился подчас к несговорчивости Канкрина в финансовых вопросах. Государь был озабочен могущественным положением России среди европейских держав, а это требовало значительных денежных жертв, на которые Канкрин по большей части не соглашался. Но в общем советы Канкрина одерживали верх, конечно главным образом потому, что результаты его деятельности говорили сами за себя. Еще в царствование Александра I Канкрин успел в течение двух лет поправить финансы России и ко всеобщему удивлению, по-видимому, навсегда покончить с тем печальным положением, до которого их довели прежние министры финансов. С таким деятелем надо было считаться: он оказывался слишком полезным, чтобы его можно было легкомысленно устранить. Таким образом, отношения между императором Николаем и Канкриным противоречат тому общему представлению, что император лично руководил всеми отраслями управления и не терпел самостоятельного почина со стороны своих помощников. Но Канкрин был действительно единственным государственным деятелем николаевской эпохи, имевшим возможность вполне самостоятельно руководить доверенной ему обширной отраслью управления. Если бы результаты деятельности Канкрина не были так блестящи, если бы его дух бережливости, его гениальная

даровитость не преодолевали многочисленных и сложных препятствий, с которыми он встречался на каждом шагу, если бы войны – персидская, турецкая, польская, следовавшие одна за другой через двухлетние промежутки, неурожаи, страшная холера хотя временно поколебали положение русских финансов, то, вероятно, Канкрин немедленно перестал бы быть министром финансов или по крайней мере утратил бы ту самостоятельность, которую он, единственно благодаря своей железной энергии, своему трудолюбию и своей даровитости, сохранил даже тогда, когда физические силы ему, видимо, изменяли. Он сумел сделаться человеком необходимым, вызвать общее убеждение, что без него Россия в финансовом отношении погибнет, как прежде при вступлении его в должность думали, что Россия погибнет вследствие странного, непонятного назначения его министром финансов. Уже в 1840 году Канкрин просился в отставку. Это был не каприз, не кокетство, а настоятельная потребность. Шестидесятисемилетний старик, всю свою жизнь работавший до изнурения сил, чувствовал себя уже неспособным с успехом исполнять свои тяжелые обязанности. “Ах, – писал он в частном письме от 25 августа 1841 года, – почему император не принял в прошлую зиму настойчивой моей просьбы об отставке? Теперь я вынужден жертвовать последними моими силами, и я охотно ими жертвую для страны, но все ведь имеет границы”. После этого письма Канкрин еще почти три года заведовал министерством. Здоровье ему решительно изменяло; он то и дело вынужден был ездить за границу для восстановления своих сил. Делами министерства заведовал в его отсутствие его помощник по его инструкциям, и, тем не менее, государь его не только не увольнял, но даже не вмешивался в его министерство, убежденный, что и отсутствующий Канкрин остается надежным министром финансов. Но как только Канкрин вышел в отставку, император Николай уже никому не доверял: как остальные отрасли управления, он взял и финансы в свои руки.

Мы видим, следовательно, каким огромным влиянием пользовался Канкрин в избранной им сфере деятельности. Интрига против Канкрина велась постоянно, иногда она ослабевала, иногда усиливалась, но враги Канкрина никогда не дремали. Он сам очень хорошо сознавал опасность своего положения, говоря, что сидит на “огненном стуле” русского министра финансов. Тенгоборский, Мордвинов, князь Друцкой-Любецкий, князь Меншиков, Киселев – все это были недоброжелатели или прямо враги Канкрина, по разным соображениям и мотивам подкапывавшиеся под него. С другой стороны, все, кто нуждался в деньгах и имел сильную руку при

дворе, старались поколебать положение такого министра финансов, который беспощадно урезывал все незаконные расходы. Однако все эти попытки свергнуть министра ни к чему не приводили, потому что даже при желании заменить его кем-нибудь другим такая попытка должна была казаться слишком рискованной. Император Николай, видимо, понимал, что как ни тяжел и неудобен Канкрин во многих отношениях, лучшего министра финансов он не найдет. Мордвинов писал обстоятельную критику на каждую роспись министра финансов. Руководствуясь благими намерениями, но редко выходя из области чисто теоретической и постоянно требуя довольно рискованных опытов на основании того принципа, что и "казенная копейка должна гореть", он старался доказать, что Канкрин управляет финансами нецелесообразно, что можно было бы достигнуть лучших результатов. Император делал на его записках надпись, что во всей этой критике видно лишь одно "опорочивание министра финансов". Князь Друцкой-Любецкий то и дело доказывал, что финансовая система Канкрина несостоятельна, но он оказывался бессильным заменить ее на практике более целесообразной и дельной. Князь Меншиков не скупился на едкие остроты по адресу Канкрина, и эти остроты переходили из уст в уста при дворе, в столице и по всей России. Меншиков не щадил даже больного Канкрина. Встречаясь на Невском со знакомыми, сообщавшими ему, что известия о болезни Канкрина гораздо благоприятнее, он отвечал: "А до меня дошли самые худые вести: ему, говорят, лучше". Гуляя по набережной Невы и видя, что матросы несут дрова на пароход, предназначенный для отъезда Канкрина за границу, он спрашивает их: "К чему эти дрова?" – "Топить пароход г-на министра финансов". – "Вы бы лучше, – острит Меншиков, – затопили его, когда министр финансов будет на нем". Наконец после отставки Канкрина Меншикову удалось попасть в финансовый комитет вместе с графом Левашовым и князем Друцким-Любецким. Тут великий князь Михаил Павлович отплатил Меншикову за его остроты против Канкрина. "Мы разменяли Канкрина на мелкую монету", – заметил он. Но Меншиков не остался в долгу. "Теперь по крайней мере мы знаем, – ответил он, – что стоит немец в России: двух русских и одного поляка".

Впрочем, надо сказать, что Канкрин сам умел постоять за себя. Намекая на своих недоброжелателей, он однажды сказал: "Ругают такого-то государственного человека за то, что его встречаешь на всех обедах, балах, спектаклях и что у него нет времени заниматься делами; а я скажу: слава Богу! Другого

хвалят: вот настоящий государственный человек; нигде не встретишь его; целый день сидит в кабинете и занимается делами; а я скажу: избави Боже!" Под первым государственным человеком Канкрин, вероятно, подразумевал Меншикова, под вторым – Друцкого-Любецкого. В государственном совете он то и дело сражал своих противников едкими и остроумными выходками. Так, например, министр юстиции, граф Панин, пожелал назначить ко всем начальникам отделений помощников-редакторов на том основании, что у начальников отделений не хватает времени обрабатывать слог, да и не все они хорошие стилисты. Большинство министров отнеслось в государственном совете к этому предложению весьма сочувственно, думая воспользоваться им и для своих ведомств. Но Канкрин, предвидя значительный денежный расход, воспротивился и едко спросил: "Не лучше ли в таком случае назначить самих редакторов начальниками отделений?" Последовал общий шумный протест. Тогда Канкрин сказал: "Несколько лет тому назад Сперанский также потребовал помощников-редакторов. Я ему сказал то, что говорю и вам теперь. Он, как *умный* человек, согласился со мной, а вы, братушки мои, как себе хотите".

Понятно, что такими выходками Канкрин увеличивал число своих врагов. Но император Николай по большей части держал сторону Канкрина. В конце концов он занял такое влиятельное положение, так удачно справлялся со своими недоброжелателями и так успешно отражал все покушения на казенный сундук, что в обществе, светских и придворных кругах установилось общее убеждение в невозможности добиться через Канкрина каких-либо подачек из казенных денег. Тогда начали действовать через императора. Очень характерны в этом отношении письма Пушкина к Афанасию Николаевичу Гончарову, деду его жены, Натальи Николаевны. В одном из них он пишет:

"Осмелюсь повторить вам то, что я говорил Золотову: главное дело – не вооружить против себя Канкрина, а никак не вижу, каким образом вам без него обойтиться. Государь, получив просьбу вашу, отдаст ее непременно на рассмотрение министра финансов; а министр, уже раз отказавши, захочет и теперь поставить на своем. Временное вспоможение (двумя или тремястами тысяч), хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависит *единственно от произвола* государева".

Такие попытки обойти Канкрина встречались сплошь и рядом, но они по большей части успеха не имели. Канкрин был неумолим, а государь чувствовал, что если будет вмешиваться в дела, то потеряет незаменимого министра, которого, как выразился Кутузов, и за миллионы приобрести нельзя. Но подчас

государю было трудно мириться с неумолимостью Канкрина. Так, когда Киселев стал приобретать доверие государя и решено было образовать министерство государственных имуществ, нередко происходили столкновения между государем и Канкриным. Киселев хотел распоряжаться совершенно бесконтрольно доходами с государственных имуществ, а Канкрин этого не допускал. Еще до образования нового министерства начались пререкания. Киселев хотел завладеть домом департамента государственного казначейства, но Канкрин и этому решительно воспротивился, оберегая интересы своих недостаточно обеспеченных чиновников, имевших в этом доме казенные квартиры. На поданной по этому поводу Канкриным записке государь написал: “Заключаю, что не хотите уважить как мне, так и новому моему учреждению”.

Однако в общем, повторяем, государь уступал Канкрину и позволял ему многое, чего он не позволял ни одному из своих приближенных. За громадные услуги, оказанные Канкриным нашему финансовому хозяйству, за бесконечные миллионы, сбереженные им в течение его долголетней деятельности, он получил, как видно из его формулярного списка, два имения в аренду: одно в Курляндии на 50 и другое в Киевской губернии на 12 лет и 30 тысяч десятин в Бессарабии в потомственное владение. Кроме того, ему выдано в разное время деньгами, независимо, конечно, от министерского содержания, 440 тысяч руб. серебром. Сам Канкрин в одном из своих путевых дневников говорит, что он приехал в Россию бедным человеком, а “уезжает теперь из нее если не богатым, то достаточным”. Но другие приближенные Николая Павловича награждались щедрее, особенно если принять во внимание, что они не отличались такой безупречной честностью, какой отличался Канкрин. Смело можно сказать, однако, что ни к кому из них Николай Павлович не относился с таким уважением, как к Канкрину. Это уважение проявлялось даже в мелочах. Канкрин почти никогда не выпускал изо рта дешевой сигары отечественного производства или трубки, из которой он курил вакштаф или кнастер. В интимном разговоре с Дибичем, героем турецкой кампании 1829 года, он ему заметил, что его несчастная привычка к табаку очень его стесняет во время докладов у государя. Дибич рассказал об этом Николаю Павловичу, и вот в первый же после этого доклад к Канкрину выходит императрица Александра Федоровна с зажженной свечой в одной руке и с трубкой, набитой кнастером, в другой и, подавая ее Канкрину, говорит: “Церемонии по отношению к такому заслуженному государственному деятелю, как вы, неуместны”. С тех пор Канкрин постоянно один курил в присутствии Николая

Павловича, который, как известно, сам не курил и терпеть не мог, когда курили в его присутствии. В другой раз, когда Канкрин определил одного из своих сыновей в пажеский корпус, ему было объявлено от имени императора, что его сын принимается туда на казенный счет. По этому поводу сохранилось письмо Канкрина к военному министру Чернышеву, в котором значится:

“Будучи поставлен щедротами государя императора в возможность пещись сам о воспитании моих детей, я желал бы, чтобы назначенная на воспитание моего сына сумма была обращена для другого, более нуждающегося в таковом пособии”.

Это было как бы ответом на поступок Николая Павловича. Когда сгорел Зимний дворец, Канкрин, чтобы утешить государя и предвидя огромные расходы по отстройке дворца, явился к нему и вызвался выдать из государственного казначейства несколько миллионов, но в то же время просил поручить ему работы, так как он исполнит их дешевле подрядчиков. Государь отклонил предложенные деньги, но Канкрина назначил членом комиссии по отстройке дворца, заметив ему, что он не может доверить своих денежных интересов более надежному человеку.

Приведем еще для характеристики отношений между Николаем Павловичем и Канкриным следующий документ. Больного Канкрина однажды потревожили ночью для незначительной справки будто бы по высочайшему повелению. По этому поводу государь обратился к Канкрину со следующим письмом:

> “Сегодня только узнал я, любезный Егор Францевич, что нехотя я был причиною одного обстоятельства, которое справедливым образом должно было вас огорчить. Не видав вас столь долго, лишен я был возможности условиться с вами о намерении моем ближе узнать порядок дел департамента государственных имуществ, для чего полагал начало года самым удобным временем. Приказав С. С. Танееву уведомить вас о сем намерении, мне и в мысль не приходило, чтобы для сообщения сего стали вас тревожить без всякой нужды среди ночи, тогда как ничто не мешало исполнить сие в обыкновенное время, но так как начальник отвечать должен за своих подчиненных, то я охотно принимаю грех на себя и винюсь искренно пред вами в невольной вине. Но не менее того вы должны были принять сие странное объявление моей воли как некий знак неудовольства моего, и это всего бы мне было прискорбнее. Вы, надеюсь, знаете с давних

времен мое к вам уважение; одиннадцать лет наших личных сношений обратили оное, могу сказать по истине, в искреннюю к вам дружбу и благодарность, – и в этом ли расположении к вам мог бы я решиться нанести вам какую-либо неприятность? Надеюсь, что вы меня довольно хорошо знаете, чтоб к моим слабостям и недостаткам не причитать гнуснейшего из всех пороков – неблагодарности. Надеюсь, что после сего чистосердечного объяснения удалось мне рассеять в вас тень сомнения в тех искренних чувствах дружбы и признательности, с которыми навсегда пребуду к вам искренно доброжелательный Н. – 5 января 1837".

Надо заметить, что это письмо относится к тому времени, когда учреждалось министерство государственных имуществ, когда Киселев начал пользоваться особенным расположением государя, и вместе с тем у Канкрина могло зародиться сомнение, что его деятельность не встречает уже прежнего сочувствия.

Между тем Канкрин именно в это время подготовлялся к одной из серьезнейших реформ, к восстановлению у нас металлического обращения, доставившему его имени наибольшую славу, хотя, как мы видели, его деятельность и помимо этой реформы увековечила бы навсегда его имя в истории нашей государственной жизни. Однако прежде чем очертить эту знаменитую реформу Канкрина, мы должны еще отметить, что, несмотря на свои трудные и сложные обязанности, он находил время заниматься и литературой, правда сравнительно мало, так как за все время управления министерством финансов он написал один лишь труд также на немецком языке, как все прочие свои сочинения. Книга эта озаглавлена: "Элементы прекрасного в зодчестве" ("Die Elemente des Schonen in der Baukunst") и появилась в Петербурге в 1836 году. Сам автор в своих путевых дневниках говорит, что книга эта не имела успеха, потому что вопрос обсуждался в ней слишком отвлеченно. Но мы заметим, что в книге разбросано очень много метких, дельных и подчас глубоких замечаний. Это наводит нас на разъяснение еще одной характерной черты даровитой натуры Канкрина. Несмотря на небрежность в костюме, на мало изящную внешность, на ум, преимущественно направленный к удовлетворению практических требований, несмотря даже на то, что Канкрин почти всю свою жизнь посвятил бесконечным вычислениям, расчетам, он был в то же время натурою и художественною, во всяком случае тонко воспринимал красоту во всех ее проявлениях. Говорят, что он был большим любителем

женской красоты и считал себя знатоком в этом деле, хотя в то же время был примерным семьянином, любящим и любимым мужем и отцом. Кроме того, он любил поэзию. В редкие часы отдыха он охотно беседовал с писателями; Жуковский и Крылов часто бывали у него, хотя он жил вообще затворником; бывал у него и Пушкин. Многие литераторы служили под его начальством. Назовем для примера князя Вяземского, Бенедиктова, А. К. Жуковского (Бернета), который, помнится, почти двадцать лет после смерти Канкрина отзывался о нем в беседах со мною в таком восторженном тоне, как будто Канкрин был жив еще вчера. Его пристрастие к поэзии доходило до того, что, когда под старость разговор заходил об его преемнике и перечислялись всевозможные кандидаты, он мысленно устранял некоторых из них, говоря, что они не могут быть хорошими министрами финансов, так как в поэзии ничего не смыслят. Кроме того, мы уже видели, что Канкрин начал свою литературную деятельность с романа, писал театральные рецензии, а затем во время управления министерством писал и беллетристические вещи, – повести и рассказы, которые появились под общим заглавием “Фантазии слепого” в Берлине в год смерти автора. По поводу этих “Фантазий” рассказывают, что Канкрин, будучи в Берлине, разговорился о них с г-жою Паальцовой, известной немецкой беллетристкой, романы которой имели тогда небывалый успех, просил ее прочесть, как он выразился, эти “пустячки” и высказать о них свое мнение. По прочтении “Фантазий” г-жа Паальцова, встретившись с Канкриным, дипломатично воскликнула: “Теперь только я вполне поняла, почему ваша жена так любит вас!” Но этот приговор слишком строг. “Фантазии” Канкрина, конечно, не могли иметь такого успеха, как сенсационные романы г-жи Паальцовой, но они представляют несомненный интерес: много в них оригинальных и глубоких мыслей, и, кроме того, они бросают довольно яркий свет на душевную жизнь такого замечательного человека, каким был Канкрин.

Его художественное настроение проявлялось также в его речах: он так и сыпал образами, метафорами, меткими сравнениями и сопоставлениями. Сухая, отвлеченная речь была ему несвойственна. В полемике он донимал, сражал противника сарказмом, в основании которого лежало всегда меткое, образное сравнение, иногда грубое, тривиальное, скабрезное, но почти всегда приводившее к желанной цели. Он в этом отношении даже нисколько не стеснялся в заседаниях государственного совета и весьма часто ловким сопоставлением поднимал своих противников на смех и заставлял их умолкнуть. Ходит масса анекдотов по этому поводу. Приведем здесь один, чтобы

охарактеризовать манеру Канкрина. Как-то Канкрин жаловался императору Николаю в присутствии многих членов государственного совета на неудобства нового наказа губернаторам, в обсуждении которого сам Канкрин принимал участие. Государь спросил его, почему он не возражал против наказа во время его обсуждения?

– Ваше величество, – ответил Канкрин, – читали так скоро, точно охотились за бекасами: параграфы, как бекасы, летели во все стороны. Один, другой подметил и подстрелил на лету, а прочие пролетели мимо.

Это образная и меткая характеристика законодательных работ государственного совета, конечно, не увеличила число друзей Канкрина, тем более, что он иногда прибегал к сравнениям, которые выставляли его противников просто в смешном виде. Многие из его острот неудобны в печати. Но великий князь Михаил Павлович весьма справедливо заметил, что Канкрин “даже в своей поль-де-коковщине всегда остается государственным человеком”.

Его художественными наклонностями и эстетическим вкусом объясняется и то обстоятельство, что он питал страсть к зодчеству. Ему, видимо, хотелось украсить русскую столицу изящными зданиями, хотя и тут в нем одновременно сказывался и практик, и эстетик. Одно стремление мешало другому, но в то же время они придали всем его постройкам своеобразный характер. Их немало. Технологический и Лесной институты носят один и тот же характер и составляют монументальные постройки, представляющие собой как бы целые самостоятельные селения, отделенные от всех соседних построек. Красота, удобство, гигиенические соображения, – все тут соединено. Здание биржи несомненно красиво. То же можно сказать и относительно собора Смольного монастыря, оставленного недоконченным знаменитым архитектором графом Растрелли и завершенного Канкриным. Прекрасный каменный пол и перила у алтаря задуманы и выполнены под непосредственным наблюдением Канкрина. Он же разбил сквер у биржи, устроил парк при Петропавловской крепости, привел Петровский остров в благоустройство, создал центральную физическую обсерваторию в Петербурге с ее многочисленными провинциальными отделениями, задумал и осуществил заведение минеральных вод. Вообще он много заботился о красоте нашей столицы и об удобствах ее жителей. Ему первому принадлежит мысль об устройстве в Петербурге водопроводов с проведением невской воды при помощи паровых двигателей на все главные площади. Эта мысль возникла у него в то время, когда император Николай задумал воздвигнуть

московские триумфальные ворота, сооруженные также под непосредственным наблюдением Канкрина. Но Канкрин хотел сперва устроить водопровод, как предприятие более необходимое; однако государь на это не согласился.

Не менее страстно любил Канкрин музыку. Он сам играл на скрипке. Посетители Летнего сада нередко слышали летом упражнения министра финансов, которые он позволял себе в минуты отдыха. Вот что рассказывает по этому поводу в своих воспоминаниях сын одного из чиновников Канкрина:

> “В Летнем-то дворце отец мой очень часто бывал у министра с докладом в мае и июне 1826 года. По окончании доклада Канкрин любил рассуждать с отцом о музыке… Это доводило иногда Егора Францевича до такого увлечения, что он брался за скрипку и выделывал на ней какой-нибудь пассаж… Дня за два до отъезда нашего из Петербурга в Орел через Москву Егор Францевич пригласил отца моего к себе на вечернюю беседу, дал ему много специальных и технических наставлений по предметам, сопряженным с его новою должностью; но не утерпел страстный музыкант и разыграл с моим отцом какой-то дуэт на скрипках. “Фи, батушка, любите и понимаете музыку; это мне ручательство за вас и за ваше дело”. Засим Канкрин поцеловался и простился с моим отцом”.

Впоследствии, когда Канкрин усиленными трудами расстроил себе зрение, он играл на скрипке в темной комнате. Его тонкое музыкальное чутье нашло себе ясное выражение в его путевых дневниках. Приведем несколько выдержек.

> “Сегодня мы были на “Пуританах”. Музыка этой оперы признается всеми хорошей, но в общем такая опера – абсурд… Истинно музыкальное! Большие музыкальные творения мне иногда представляются красноречивою, очень грамматическою, последовательною, обработанною и риторическою речью, основному смыслу которой, однако, не достает глубокой, новой, задушевной мысли… Я не могу примириться с серьезными операми; хорошее оперное либретто должно быть взято из мира сказочного… Вечером мы были на “Тите” Моцарта с его оригинальными речитативами. Это – мощная музыка, и тут речитативы производят действительно музыкальное впечатление”.

Как метко охарактеризованы в этих словах многие большие оперы с их напускною деланностью и отсутствием серьезного музыкального содержания, как верно замечание, что либретто всякой оперы должно быть взято из сказочного мира (в этом отношении Канкрин предрешает мысль Вагнера), как правильно оценены красоты моцартовской оперы. Словом, повторяем, у Канкрина было много эстетического чутья, и это соединение в нем художественных наклонностей с чрезвычайно трезвой и практической мыслью составляет особенность его столь даровитой натуры.

Глава VII

Фальсификация денег. – Медные рубли при царе Алексее Михайловиче. – Четыре курса: вексельный, биржевой, податной, простонародный. – Потери народа. – Прилив иностранной монеты. – Депозитки. – Их неожиданный успех. – Восстановление металлического обращения

1 июня 1839 года был обнародован указ, в котором значилось:

“Серебряная монета впредь будет считаться главной монетой обращения.

Ассигнации будут считаться впредь второстепенными знаками ценности и курс их против звонкой серебряной монеты один раз навсегда остается неизменным, считая рубль серебра в 3 руб. 50 коп. ассигнациями”.

Эти немногие слова содержали в себе целый переворот в нашем денежном обращении. Одним росчерком пера уничтожались последствия почти семидесятипятилетних прегрешений.

Но чтобы должным образом уяснить себе значение этого переворота, мы должны вспомнить некоторые факты из истории нашего денежного обращения. Радикальная мера, принятая Канкриным, означала не только восстановление ценности рубля; она кроме того означала пресечение бесчисленных страданий, – источника “народного бедствия”, как выразился сам Канкрин.

Склонность прибегать к фальсификации обращающихся у нас денег проявлялась давно. Первый опыт этого рода сделан еще при царе Алексее Михайловиче. Шведская и польская войны опустошили государственную казну, и, чтобы покрывать государственные расходы, было изобретено весьма простое средство. В 1656 году отчеканена была низкопробная медная монета, достоинство которой все понижалось, но ее велено было принимать за равноценную серебряной. К сожалению, подобные приказания не исполняются, и вскоре за серебряный рубль стали требовать семнадцать медных рублей, а происшедшая вследствие этого дороговизна вызвала бунт, который пришлось усмирять вооруженной рукой. Когда правительство поняло, что следовать по этому пути опасно, решено было изъять медные деньги из обращения и заменить их серебряными, причем, однако, само правительство, руководствуясь патриархальными нравами того времени, не думало принимать медные деньги по нарицательной их цене. В народе платили за серебряный рубль 17 руб., а казна требовала за серебряный рубль *сто* медных. Конечно, казна

лучше знала истинную ценность медных денег, потому что сама их отчеканила.

Второй большой опыт, – на этот раз уже хронический, – фальсификации денег был произведен более ста лет спустя, при Екатерине II. В 1769 году было выпущено ассигнаций на 40 млн. Они прекрасно держались в цене, отчасти заменив собою тяжеловесную и неудобную медную монету. Но войны потребовали новых выпусков. В 1787 году появилось в обращении еще 60 млн. Хотя в манифесте и было заявлено, что количество ассигнаций никогда и ни в каком случае не должно простираться свыше 100 млн., но уже четыре года спустя их было в обращении 111 млн., а через новые пять лет – 150 млн. Вместе с тем серебряный рубль повысился в цене уже до 142 коп. ассигнациями. Военные лавры, которые стяжала Россия в царствование Екатерины, вызвали большое расстройство в денежном обращении или, как сказано в одном из указов того времени, “учинили великие во всех ценах перемены”. Эти “перемены”, понятно, увеличились еще более, когда наступил новый период грандиозных войн в царствование Александра I. Количество ассигнаций превысило 800 млн. руб., а цена ассигнационного рубля упала до 25 коп. За серебряный рубль приходилось платить четыре рубля ассигнациями. Конечно, при царе Алексее Михайловиче платили за серебряный рубль 100 руб., но, безотносительно говоря, это положение дел было весьма неудовлетворительно. Пытались было помочь делу заключением внешних и внутренних займов для сокращения количества ассигнаций, и оно действительно было сокращено до 600 млн. Но эта мера пользы не принесла. Ценность ассигнационного рубля повысилась только на две коп., потому что он не пользовался уже никаким доверием, а еще и по другой, более существенной причине, которую большинство экономистов упускает из виду.

Дело в том, что вследствие усиленного выпуска ассигнаций наше денежное обращение лишилось твердой денежной единицы, то есть основы измерения цен. Представим себе на минуту, что торговля была бы лишена определенной меры длины, скажем – аршина, то есть, что купцы могли бы по собственному произволу определять длину аршину. Легко понять, какое бы это вызвало расстройство во всех меновых сделках. То же можно сказать и о весе. Даже несмотря на точно установленные меры и весы, злоупотребления тут происходят беспрерывно, и понятно, что эти злоупотребления тем сильнее, чем невежественнее народ, чем менее он способен сам ограждать свои интересы. Весы с походцем составляют обычное явление в нашей торговле. Но деньги, которыми измеряется цена всех товаров, представляют в этом

отношении еще больше значения: неопределенная денежная единица означает путаницу во всей хозяйственной жизни и подает повод к бесконечным злоупотреблениям, к эксплуатации сильным и пронырливым слабого и неумелого. В настоящее время постоянно раздаются жалобы на колебания вексельного курса, то есть на неустойчивость нашей денежной единицы в международных торговых сделках. Между тем до Канкрина у нас существовал не один курс, а целых четыре: кроме вексельного курса, существовал еще податной и таможенный, биржевой и так называемый простонародный. Все эти курсы колебались и постоянно изменялись не только в разные годы и месяцы, но и в разных местностях. Так, в 1837 году в Нижнем Новгороде платили за серебряный рубль по биржевому курсу 356 коп. ассигнациями, в Петербурге – 354, в Пскове – 362, в Вятке – 363 коп. Следовательно, биржевой курс уже представляет довольно значительное уклонение по местностям, не говоря уже о том, что в разные годы за рубль платили то 400 с лишком коп. ассигнациями, то 347. Так же сильны были и колебания так называемого простонародного курса, или лажа. В Нижнем Новгороде, в Ярославле, в Москве надо было платить в том же 1837 году за серебряный рубль 420 коп. ассигнациями, в Вятке – 400, в Пскове – 380, а в Могилеве и Петербурге 375 коп. Таким образом, уклонение между биржевым курсом и простонародным составляло от 3 до 18%. Столь же значительна была разница между этими двумя курсами и податным или вексельным. Словом, какого-либо твердого, устойчивого измерения цен не существовало. Казна считала на ассигнации и требовала, чтобы все сделки, контракты, счета и т. п. писались и заключались на ассигнации. Официально, следовательно, денежной единицей признавался ассигнационный рубль, то есть такая мера, которая постоянно то увеличивалась, то уменьшалась и притом не только вследствие каких-нибудь определенных экономических причин, но и вследствие произвола частных лиц, преимущественно торговцев.

В больших городских центрах это положение дел было чрезвычайно тягостно, но еще не так сильно отражалось на народных интересах; в провинциальной же глуши оно вело к постоянному обману, от которого страдало преимущественно сельское население. Крестьянин продавал свой хлеб, как и следовало по закону, на ассигнации; купец платил серебром, причем по большей части руководствовался даже не простонародным, а совершенно произвольным курсом, надувая таким образом мужика. Этот обман достиг грандиозных размеров и практиковался всюду. Вот что пишет по этому поводу один

современник, живший в Пензенской губернии: “Простонародный курс никому не вредит так, как сельскому люду. Можно ли вести правильные расчеты, когда денежная единица постоянно колеблется? Если бы все рассчитывались на серебряные, рубли, то нынешний простонародный курс не был бы возможен. Но вместо установленной законом денежной единицы в торговле водворилась денежная единица, не имеющая ни определенного веса, ни определенной ценности. В самом деле, можно ли признать рубль монетой? Нет, это – произвольная, фиктивная величина”. Но не только торговцы, все наниматели рабочих также широко пользовались неопределенностью денежной единицы. Канкрин свидетельствует, что и чиновники, где только могли, обманывали народ.

Таким образом, восстановление твердой денежной единицы не только составляло потребность, но было истинным благодеянием. Канкрин со дня вступления своего в должность министра не упускал этого жгучего вопроса из виду. Но на первый раз он не решался приступить к нему. Прежде всего ему надо было упорядочить финансы, покончить с дефицитом, сделать сбережения, очистить финансовую администрацию от взяточников и казнокрадов, поднять народное благосостояние путем уменьшения налогов и оживления промышленности и торговли. Тем временем народ стал сам себе помогать и силился создать твердую денежную единицу. Серебряных рублей было в обращении слишком мало. По мере того, как чеканилась полновесная монета, она вследствие войн уходила за границу; но войны прекратились, и вместе с тем стало наблюдаться следующее явление. В народном обращении появилось очень много иностранной монеты, французской, немецкой; она распространилась в таком количестве, что сделалась ходячей монетой и получила даже популярные названия: “ефимчиков”, “лобанчиков”, “талеров со столбиками”. Это чрезвычайно оригинальное явление объясняется обыкновенно так, что, благодаря стойкости, с какой Канкрин воздерживался от дальнейших выпусков бумажных денег, в нашем народном обращении их оказывалось слишком мало, они повысились в цене и восполнялись иностранной монетой. В таком смысле высказался покойный Горлов в своем известном курсе политической экономии, а за ним – и многие другие экономисты. На самом же деле бумажный рубль, как я уже отметил, очень мало повысился в цене: за него платили не более 27 с половиною коп. серебром. Следовательно, недостатка в деньгах не было, не то они, следуя непреложному экономическому закону, повысились бы в цене. Ныне кредитный рубль стоит 70, иногда

даже 80 коп. металлическими, а иностранной монеты к нам из-за границы не приливает и в народном обращении ее нет. В тридцатых же годах она хлынула к нам из-за границы, и причина этого явления заключается не в недостатке собственно денег (их было слишком много, и потому они так низко стояли в цене), а в отсутствии твердой денежной единицы для платежей и торговых сделок. Народ, как мы выразились, старался сам себе помочь; он искал твердой денежной единицы и вместе с тем готов был платить за нее очень дорого. Менялы, впервые тогда появившиеся у нас в большом числе, покупали большие партии иностранной монеты в уверенности, что они найдут ей широкий сбыт, потому что всякий старался заручиться звонкой монетой, чтобы иметь устойчивое в своей цене платежное средство. Это, однако, горю не помогло, потому что большинство расчетов приходилось все-таки делать на ассигнации, а менялы, торговцы и чиновники пользовались народным невежеством, чтобы произвольно колебать ценность и новых денежных единиц, заимствованных у иностранцев.

Но для денежной реформы, задуманной Канкриным, этот прилив иностранной монеты в Россию оказался весьма выгодным. Предпослав эти данные и соображения, мы можем уже ясно понять значение переворота, совершенного Канкриным в нашем денежном обращении на пользу не только государства и торговли, но и народа.

Как же принялся Канкрин за дело, чтобы восстановить у нас устойчивую денежную единицу? В обращении находилось 595 млн. руб. ассигнациями, упавших приблизительно до четвертой части своей нарицательной стоимости. Казна получала все свои доходы также в этой столь сильно обесцененной валюте. Самый правильный и добросовестный выход из этого печального положения состоял в том, чтобы путем сбережений в бюджете постепенно погасить этот беспроцентный долг, заключенный в тяжелый период больших внешних войн. Можно было кроме того заключить большой процентный заем, чтобы изъять из обращения излишек бумажных денег. Оба эти средства были отчасти испытаны до Канкрина, но оба они потерпели неудачу вследствие расстройства наших финансов, то есть вследствие невозможности сделать в бюджете необходимые сбережения или найти свободные доходы для уплаты процентов по большим внешним займам. Канкрин также признал эти средства негодными, потому что был главным образом озабочен желанием не обременять народ новыми налогами, но вместе с тем установить равновесие в бюджете. Вот почему он так долго не приступал к восстановлению нашей денежной единицы. Он собирался с силами и со

свойственной ему осторожностью зондировал почву, чтобы, когда настанет время, сразу и наверняка достигнуть предположенной цели. В десятых и двадцатых годах сильное падение ценности нашего ассигнационного рубля казалось еще явлением ненормальным; в тридцатых – все с ним свыклись, и признание казны несостоятельной или, выражаясь мягче, так называемая девальвация никого уже особенно поразить не могла. Кроме того, благодаря вышеуказанной причине, в стране циркулировало очень много иностранной монеты. В то же время Канкрин значительно усилил добычу драгоценных металлов. В 1823 году у нас добыто около 25 пудов золота, а в 1842 – почти тысяча пудов. При таких обстоятельствах можно было уже приступить к восстановлению металлического обращения. Когда Канкрин решил произвести эту реформу, в государственный совет внесены были пять мнений или записок, в которых указывались наиболее целесообразные средства для достижения этой цели. Авторами их были графы: Канкрин, Сперанский, Мордвинов, князь Друцкой-Любецкий и адмирал Грейг. Замечательно то обстоятельство, что записки Канкрина, Сперанского, Друцкого-Любецкого совершенно совпадали по основному своему содержанию и что записки Мордвинова и Грейга немедленно были признаны в практическом отношении несостоятельными. Очевидно, в этом вопросе установилось почти полное единомыслие: все сознавали, что денежная реформа неизбежна, и в то же время все признавали, что она может быть произведена с успехом только в направлении, указанном Канкриным. Записка Сперанского под заглавием “О монетном обращении”, – этот последний труд нашего знаменитого государственного человека (он умер, как известно, 11 февраля 1839 года), – совершенно совпадает по содержанию своему с реформой, предпринятой Канкриным, и таким образом эти два выдающиеся государственные деятели оказались полными единомышленниками и нисколько не колебались в том основном вопросе, что лучше признать казну несостоятельной, чем возложить на народ тяжелое бремя, которое было бы вызвано превращением беспроцентного ассигнационного долга в процентный внешний или внутренний долг. Сперанский, однако, по-видимому, сомневался в возможности обойтись без всякого долга; Канкрин же решил и этот вопрос блистательно: установление твердой металлической денежной единицы не потребовало никаких новых жертв со стороны народа. Вот как он принялся за дело.

1 июля 1839 года, как мы видели, появился указ, в силу которого серебряный рубль признавался монетной единицей, а ассигнационный – второстепенным знаком ценности, и курс

последнего был раз навсегда установлен в 3 руб. 50 коп. за серебряный рубль. Ровно полгода спустя в коммерческом банке была открыта депозитная касса, которая выдавала желающим депозитные билеты, или, как их называли в публике, депозитки (Сперанский предложил их назвать сохранными билетами) взамен звонкой монеты. Тут случилось нечто для всех совершенно неожиданное. Перед зданием Коммерческого банка на Большой Садовой не было проезда от громадного наплыва публики, осаждавшей банк с мешками звонкой монеты в руках для обмена на благодатные бумажки цвета надежды. Банкиры недоумевали и говорили, что подобная операция могла удачно совершиться только в России. Некоторые современники рассказывают, что в Петербурге и других городах был распущен слух, что звонкая монета за исключением разменной впредь не будет приниматься и что все расчеты будут производиться только депозитками. Как бы то ни было, в течение тринадцати месяцев в депозитные кассы поступило металла на 26 666 808 руб. серебром, а вытребовано было за тот же срок только на 1 536 475 руб. В следующем году разрешено было принимать золото в слитках, что увеличило металлический фонд еще на 12 780 144 руб.

Цель этих депозиток была двоякая: во-первых, казна запаслась значительным количеством металла и таким образом создала разменный фонд, а во-вторых – сделан был опыт установления новой денежной единицы, и публика к ней была приучена. Депозитки распространились по всей империи, ходили рубль за рубль и пользовались безусловным доверием. Когда в депозитной кассе разменный фонд достиг 100 млн. руб., он был в первый раз торжественно перевезен в Петропавловскую крепость и проверен в присутствии сановников и депутатов от дворянства и купечества. Этой торжественной обстановкой Канкрин хотел убедить весь мир, что отныне Россия покончила с бумажно-денежным обращением и восстановила у себя металлическое. 1 июня 1843 года наконец последовал манифест об окончательном уничтожении прежних ассигнаций и замене их новыми кредитными билетами, которые разменивались не на бумаге только, а на деле по предъявлении на звонкую монету. Можно было опасаться, что публика бросится разменивать бумажные деньги на металл; на самом деле ничего подобного не произошло, потому что Канкрин приучил публику к новой денежной единице таким осторожным и обдуманным мероприятием, каково было учреждение депозитной кассы. Через три года в Петропавловской крепости хранилось уже почти на 200 млн. руб. металла. В то время на всем земном шаре не было государства с таким

громадным резервным капиталом. Выпущено было кредитных билетов не более как на 300 млн. руб. Таким образом, две трети нашего бумажно-денежного обращения были покрыты резервным фондом в конце сороковых годов, а при Канкрине это отношение было еще более благоприятно, так как кредитных билетов было выпущено всего на 200 млн., то есть все денежное обращение было покрыто металлом. Как только этот блестящий результат выяснился, Канкрин не замедлил выдать разным банкам 30 млн. руб. для оказания сельскому хозяйству и вообще промышленности кредита на производительные цели, опровергая этим установившееся мнение, будто бы он был врагом кредитных операций, и перестал с прежней энергией противиться сооружению железных дорог, потому что уверовал в возможность их постройки без заключения пугавших его громадных внешних займов. Накопленный благодаря его финансовому искусству резервный фонд, не потребовавший заключения займов и не вызвавший никакого расстройства финансов, лежал непроизводительно в Петропавловской крепости. Поэтому часть его была помещена во французской ренте, в английских консолях, в голландских фондах. Канкрина тогда уже не было в живых. Но вот что он оставил России в наследство: благоустроенные финансы, твердое металлическое обращение, вексельный курс, оказывавшийся в пользу нашего отечества. Россия была в финансовом отношении могущественною державою, кредит которой нельзя было подорвать. И все это было достигнуто без сколько-нибудь значительных займов, почти без повышения налогов, единственно в силу железной воли, необычайной бережливости и дарований одного человека, ставившего благо народа выше всего и умевшего ему служить.

Денежная реформа завершила собой двадцатиоднолетнее управление Канкриным финансами России. Это был достойный венец его плодотворной деятельности.

Глава VIII

Последние годы жизни Канкрина. – Его политические, социальные и экономические убеждения. – Овация Французской академии наук. – Смерть Канкрина. – Общая оценка его жизни и деятельности

В начале сороковых годов здоровье Канкрина так сильно пошатнулось, что он уже не мог правильно заниматься делами. Он неоднократно просился в отставку, но, как я уже заметил, император Николай не соглашался на нее. Ежегодно Канкрин для восстановления сил ездил на летние месяцы то в свое имение в остзейском крае, то за границу на воды. Но подвижная его натура не знала отдыха. Во время своих заграничных путешествий он знакомился со всеми достопримечательностями, посещал музеи, театры, ученые собрания, заседания парламента, суды, вступал в общение с учеными, писал путевые дневники, рассказы, наконец свое главное сочинение по политической экономии и читал, читал без конца. Странное впечатление производил этот русский министр на лиц, встречавших его за границею. Вот что, например, пишет о нем П. М. Языков, возивший своего больного брата, знаменитого поэта, за границу и встретившийся тут с Канкриным:

“На террасе замка, на лавочке сидел старец высокого роста, немецкой наружности, в изношенном сюртуке и в военной российской фуражке с красным околышком... Он так дурно одет, сюртук его так заношен и брюки серые без штрипок так измараны, что не отличишь по одежде от прочих немцев... В середине обеда явился в залу министр (Канкрин) в длинном сюртуке, никому не поклонился, не обратил никакого внимания на эрцгерцога, подошел прямо ко мне (заметим в пояснение этих слов, что Канкрин отнесся так любезно к П. М. Языкову, потому что тот занимался геологией и был на родине собственником прекрасной геологической коллекции). Такая странная выходка нашего министра обратила на него и на меня все внимание немецкой публики”.

Вообще и в Петербурге, где бы Канкрин ни появлялся, он обращал на себя общее внимание. В четыре часа пополудни он аккуратно гулял по Невскому проспекту или в Летнем саду, в теплую погоду в форменном генеральском сюртуке, иногда камлотовом с заплатами, а когда бывало холодно, – в серой с красным воротником шинели, надетой в оба рукава. Лицо у него было бледное, худощавое, а голубые глаза были вечно задумчивы. Впоследствии, страдая глазами, он носил темные зеленые очки, а иногда и большой тафтяной абажур. В его походке, костюме, во

всей его фигуре было нечто особенное, отличавшее его от остальной публики.

Эта оригинальность его наружности была внешним проявлением чрезвычайно оригинального ума. В предыдущем мы перечислили заслуги Канкрина. Теперь мы постараемся дать читателю понятие о внутренней жизни этого деятеля, о его миросозерцании, насколько оно выразилось в его произведениях, отчасти только предназначенных для широкой публики. Мы и тут воздержимся пока от критики и постараемся выяснить лишь умственный облик этого выдающегося человека.

В первом своем литературном произведении, в романе “Дагобер”, Канкрин определяет следующим образом задачу правительства: “Я ежедневно убеждаюсь, что люди ошибаются, считая народное счастье целью правительства; это неизбежно приведет к деспотизму, который энергичнее содействует достижению медленно приближающегося счастья, чем республика”. “Не счастье, а усовершенствование людей должно служить целью правительства”, – говорит он в “Экономии человеческого общества”.

Сам Канкрин, как мы видели, полагал индивидуальное счастье главным образом в труде; он трудился бесконечно, до полного изнеможения. Трудясь, он жил, и без труда не понимал смысла жизни. Но, кроме того, во всех его соображениях и рассуждениях постоянно звучит пессимистическая нота: он плохо верит в возможность счастья или, во всяком случае, признает его понятием слишком неопределенным, чтобы его можно было положить в основу законодательства и управления. Мало того, он страшится последствий принципа, провозглашенного другими мыслителями с такой категоричностью, именно принципа, что задачей управления должно быть возможно большее счастье возможно большего числа людей. По его взгляду на дело этот принцип неизбежно приводит к деспотизму: управляющие хотят осчастливить народ по-своему и угнетают его свободу, полагая, что они лучше его понимают, что именно ведет к народному счастью. В мире реальном, в действительности, понятия образованных людей, правящих классов, далеко не совпадают с понятиями народной массы, управляемых: то, что представляется счастьем первым, далеко не всегда признается счастьем вторыми. Поэтому когда правитель управляет государством, руководствуясь *своими* понятиями о человеческом счастье, он по большей части является деспотом.

Исходя из такого общего принципа, Канкрин вдумчиво всматривается в элементы, из которых состоит народ. Он не признает его однородною массою. Народ состоит из нескольких

общественных классов, весьма неравных по своей численности. Люди образованные и обеспеченные в материальном отношении составляют везде ничтожное меньшинство; полуобразованная или невежественная, к тому же необеспеченная масса составляет подавляющее большинство. Если опасно руководствоваться понятием о народном счастье в деле управления, то еще опаснее предоставлять власть тому или другому общественному классу, который, конечно, будет исходить в законодательной и административной деятельности также из понятия о счастье, но будет уже иметь в виду не общее счастье, а счастье своего класса. С этой точки зрения Канкрин отвергает безотносительные достоинства той или другой формы правления.

"Желать патриархальную или правовую монархию, равно как и конституционное правительство, – говорит он, – отвергая другие формы правления, служит доказательством умственной отсталости или упрямства, потому что форма правления обусловливается возрастом народа и обстоятельствами... Конституции возникают с течением времени постепенно или внезапно. Возникая постепенно, они пускают глубокие корни в народе и становятся устойчивыми. Но может пройти много времени, пока они приобретут такой характер. Английская конституция уже давно существовала в теории и на бумаге, прежде чем она приобрела практическое значение... Если конституция возникает внезапно, как последствие успехов цивилизации или революции, вызванной злоупотреблениями, то она часто бывает неустойчивой, как во Франции. Если же наконец конституция является подражанием или следствием политического соглашения, как в Германии, то она обыкновенно остается мертвой буквой". "Во всяком случае, – говорит он в другом месте, – там, где конституционный дух пустил глубокие корни, ему противиться не следует. Надо по возможности им руководить".

Как же представляет себе Канкрин это руководительство? Он думает, что все люди, которые преследуют не личные или кастовые интересы, а общенародные, должны сплотиться и приложить всевозможные усилия, чтобы добиться следующей основной цели. "Задача всякого правительства, – говорит он, – заключается в том, чтобы по возможности помогать бедным, необеспеченным". В этом он полагал и свою жизненную задачу, и основной смысл своей деятельности. Всякий образованный человек несет обязанность по возможности противодействовать своекорыстным интересам других образованных людей и посвящать свои силы обеспечению благосостояния народной массы. Только с этой точки зрения он оценивает значение того

или другого правительства.

“Все, что создано Людовиком XIV, – пишет он, – великолепно, стоило сотни миллионов, и не без основания французы гордятся своим siecle Louis XIV; но прочтите беспристрастных историков, сообщающих нам о том, какая нищета царствовала в народной массе и как печально было положение протестантов, – и все это великолепие омрачится. Однако последующие поколения относятся легкомысленно к страданиям прежних и видят только то, что они создали. Таким образом, человек становится пассивным орудием для достижения цели истории”.

Вот против этого и восстает Канкрин во многих своих писаниях. Его душа, видимо, стремится к тому, чтобы человек не был в такой степени рабом окружающих его обстоятельств, чтобы он сам создавал историю, а не служил простым ее орудием. Теоретически Канкрин не дает никаких указаний для достижения этой цели, но он говорит, что сам всецело посвятил себя поднятию материального и духовного благосостояния народной массы и что уверен в возможности достижения этой цели, если только найдется в данном народе значительный контингент лиц того же образа мыслей. Присутствуя однажды во Французской академии на споре между Дюнойе и Бланки, посвященном вопросу, бывают ли правительства лучше своих народов или наоборот, он высказывает следующие соображения:

“Многие правительства, правда, стоят не выше своего времени или народа, но это нельзя считать общим правилом. К сожалению, правительства, даже когда они хотят, редко в состоянии значительно исправить великие недуги, которыми страдает человечество, а если и могут, то весьма медленно; и еще прискорбнее то, что великие недуги общества исцеляются почти всегда только революцией”.

Как же относится Канкрин к величайшей революции нового времени, к перевороту 1789 года?

“В начале, – говорит он, – молодежь была увлечена ею; люди зрелого возраста не сочувствовали ей отчасти вследствие привычки к старому, отчасти из предубеждения, отчасти также и по своекорыстным мотивам. Последствие революции – террор – смутил молодежь и обескуражил ее, а люди зрелые заручились могущественным аргументом для оказания ей противодействия. Наконец насилие, произведенное Францией над остальными народами, заставило их восстать. Только после продолжительной борьбы, после событий, не имеющих себе равных в истории, после периода успокоения выработалось более правильное суждение относительно того, что было в революции хорошего и что в ней было дурного. Многие склонны к чрезмерному оптимизму. Я

придерживаюсь середины".

Середины же Канкрин придерживается потому, что, как он поясняет в другом месте, революция хотя и создала в юридическом отношении условия благоприятные для обеспечения благосостояния народных масс, но сама сильнейшим образом подорвала это благосостояние бесконечными внутренними смутами и внешними войнами, хотела осчастливить народ по-своему, не вникая в непосредственные его практические потребности, и поэтому отсрочила самую существенную задачу, то есть поднятие уровня материального и духовного благосостояния наименее образованных и обеспеченных классов населения.

Резюмируя взгляд Канкрина на основной вопрос государственного устройства, мы видим, что он признает достоинство той или другой формы правления понятием относительным, но что он в то же время полагает основной задачей всякого правительства борьбу со всеми элементами, преследующими своекорыстные интересы в ущерб народной массе, а обеспечение ее материального и духовного благосостояния – верховным законом правительства и его деятельности. Такова теоретическая точка зрения Канкрина, которой он ни в своих писаниях, ни в своей жизни не изменял: он был ей верен с ранней молодости до последнего вздоха.

При таком взгляде Канкрина на задачу государства мы поймем, как он должен был относиться к социальному вопросу. Я опять делаю выписку из его путевого дневника:

"Утром я сделал несколько визитов, но застал дома только г-на Араго, с которым имел чрезвычайно интересную беседу. Она коснулась злобы дня, коммунистических тенденций, стремления рабочих классов к социальному равенству с людьми более богатыми и занимающими более высокое положение, их желания допускать только договорные отношения без необходимости кланяться и унижаться. Это похвальное стремление проявляется теперь очень часто во Франции и Германии, особенно в первой... Конечно, невозможно убедить людей, ничего не имеющих, в необходимости собственности, так как наследование ее не основано на твердом естественном праве, а только на фактической целесообразности, следовательно, на положительном законодательстве".

В своем основном труде, в "Экономии человеческого общества", он поясняет эту мысль следующим образом:

"Было бы очень трудно обосновать право наследственной собственности каким-нибудь естественным правом, потому что в таком случае его можно было бы изменить... Часто, сидя за

обедом, я с грустью думал, что многие в этот час не имеют даже куска хлеба... Фарисей благодарит Бога за то, что у него больше, чем у других, и успокаивается на этом; но у меня сердце обливается кровью: все еще существуют рабы, крепостные, ирландские крестьяне, английские фабричные рабочие, пролетарии более или менее везде...”

Уяснив себе эту основную точку зрения Канкрина, мы поймем многое, что в его писаниях и в его деятельности может казаться неясным, противоречивым. Все, что служит помехой для достижения основной его цели, то есть для повышения уровня материального и духовного благосостояния народной массы, признается им нежелательным и даже вредным. Как ум по преимуществу практический, он мало склонен увлекаться общими отвлеченными принципами. Свобода, конституционная форма правления, равенство, братство, суд присяжных и тому подобные лозунги его мало соблазняют. Рассуждая обо всех этих лозунгах, он прежде всего спрашивает себя, – могут ли они оказаться плодотворными в данное время и в данном народе, и что они дадут в смысле достижения его основной цели. Он, например, подробно останавливается на так называемой оппозиции. Он вспоминает оппозицию, встреченную императором Александром I со стороны цвета русской интеллигенции, со стороны Державина, Карамзина и почти всего дворянства в вопросе об освобождении крестьян. Тут общество служило помехой для осуществления благих начинаний. С этой же точки зрения практической целесообразности он рассуждает и о печати. Сам он по мере сил и средств старался распространить печатное слово, основывал газеты и журналы, содействовал процветанию других, но в то же время относился к печати иногда с раздражением и усматривал в ней большую опасность вследствие ее склонности прибегать ко всякого рода недостойным объяснениям, искажениям, извращениям, клеветам, вымыслам и обманам. По природе своей деятель глубоко честный, он не мог примириться с тем обстоятельством, что печать нередко из политической предубежденности или даже своекорыстных расчетов позволяет себе искажать истину, и усматривал в ее деятельности препятствие для достижения основной цели для государства. Путешествуя за границей и присматриваясь к тому, что делалось в Париже, где органы печати весьма часто служили недостойным, целям, он сравнивает печать с “кулачным правом” образованных народов.

“Если, – говорит он, – законодательство с новыми истинно либеральными и справедливыми началами, или особенные обстоятельства, или *высшее проявление жизненной силы самого*

общества, или вообще что-либо не вызовет мер для обуздания прессы и ослабления последствий ее деятельности, то она сделает деспотизм необходимым".

Канкрин ищет в самом обществе противодействия против увлечения печати, органы которой весьма часто преследуют не общенародные, а своекорыстные, иногда даже чисто личные и недостойные цели. Он, видимо, мало доверяет силам, скрывающимся в самом обществе, и хотя апеллирует к "высшему проявлению его жизненной силы", но в то же время требует "обуздания прессы". Приблизительно таково5же его отношение к суду присяжных. Будучи в Париже, Канкрин деятельно посещал судебные заседания, и вот к какому выводу он приходит: "Я охотно допускаю, что не следует отменять суда присяжных в странах, где он уже существует". Но тем не менее ему кажется, что там, где он еще не введен, его не следует вводить, потому что обсуждение и решение сложных юридических вопросов не может быть доверено лицам неподготовленным, а должно оставаться в руках знающих юристов. Он требует распространения юридического образования, требует независимости судей, но не допускает, чтобы толпа и ее представители могли правильно решать судебные дела: напротив, они будут осуждать невинных и прощать преступников.

Мы сейчас приступим к оценке всех этих соображений, а здесь отметим только еще взгляд Канкрина на телесное наказание. Для малолетних детей он предпочитает телесные наказания лишению свободы. Для взрослых же устанавливает то общее правило, что "телесным наказаниям должны подвергаться те, кто сам телесно наказывает других". Отсюда видно, с какой горечью Канкрин относился к злоупотреблениям помещиков своей властью.

Наконец нам остается еще выяснить, как Канкрин применял свой основной взгляд к вопросам экономическим и финансовым.

"Благосостояние каждого в частности, а не умножение общего государственного дохода должно быть задачей управления. *Умеренный достаток народа,* а не огромный итог доходов, при котором половина населения нищенствует", – таков идеал Канкрина. "Независимое и обеспеченное существование составляет главную цель народа и этой цели должно служить и народное богатство".

Таким образом, Канкрин отвергает обогащение казны, когда оно идет во вред обеспеченному положению народа. В курсе, читанном в 1838 году тогдашнему наследнику престола, впоследствии императору Александру II, он говорит:

"Основное условие хорошего финансового управления

заключается в том, чтобы содействовать благосостоянию народа путем увеличения национального богатства. Богатый народ дает больше доходов; обременять бедного податями все равно, что срубить дерево, чтобы снять с него плоды". Тут же мы находим еще следующее соображение: "Неразумно требовать от податных сословий слишком много и во что бы то ни стало взыскивать с них недоимки. Нельзя смотреть на недоимки как на безусловный долг государству, ибо, настаивая на их поступлении, правительство уничтожает капитал, необходимый для сельского хозяйства".

В этих немногих словах заключается целая экономическая и финансовая программа, просвещенный характер которой бросается в глаза и которая находится в самом полном соответствии с основным политическим принципом Канкрина. Во всех его теоретических рассуждениях и практических мероприятиях осуществление этой программы составляет основную его цель. Главный его труд, его "Экономия человеческого общества", является не чем иным, как именно попыткой воспользоваться собственным многолетним и обширным опытом для согласования теоретических начал с практическими требованиями среды, в которой он действовал. Какой бы вопрос он ни изучал, везде забота правительства о благосостоянии народных масс составляет основную тему. Даже его увлечения, его ошибки, его заблуждения (недоверие к печати, суду присяжных, железным дорогам, кредиту) имеют все тот же источник. Может, например, казаться весьма странным, что такой просвещенный деятель, каким был Канкрин, прямо и даже как бы с чувством самодовольства упоминает о том, что он противодействовал "блестящему открытию" его времени, кредитной системе и банкам. Но, чтобы понять эту странность, надо вдуматься в следующие его слова:

"Долги, как государственные, так и частные, бывают полезны и обогащают страну в том только случае, когда совершаются для предприятий, приносящих большие выгоды, чем сколько нужно для ежегодной уплаты процентов по займу и его погашению. Долги извинительны, когда они обусловливаются крайней необходимостью, причем имеется в виду усиленным производством уплатить со временем весь капитал или по крайней мере проценты; в противном же случае долги являются истинным бедствием, если обусловливаются нуждой, и безумием и преступлением, если они заключаются без нужды". Правительства же, прибегающие к выпускам бумажных денег, он уподобляет *"юношам, увлекающимся азартною игрою"*.

Итак, Канкрин, в сущности, не восстает против кредитной

системы, но он думает, что государство имеет право делать долги и давать деньги взаймы только в том случае, если оно этим не расстраивает своих финансов и не налагает тяжелого бремени на народ; частные же лица, по его мнению, должны занимать деньги только для производительных целей или в случае крайней необходимости. В то же время он, очевидно, не доверяет благоразумию частных людей и полагает, что они очень склонны занимать деньги для целей, имеющих мало общего с нуждой или производительными затратами. Опыт нашего отечества доказал, что во многих отношениях чувство недоверия Канкрина имело глубокое основание.

Точно так же может поражать нерасположение Канкрина к железным дорогам. Но не следует забывать, что первый локомотив был пущен в Англии в 1829 году, когда Канкрину стукнуло уже пятьдесят пять лет; к тому же он говорит: “Предварительно надо позаботиться о том, чтобы доставить народным классам дешевый хлеб, и обращать больше внимания на земледелие”. Он очень хорошо сознавал, как важно снабдить Россию в политическом отношении сетью железных дорог, потому что при “медленности и трудности сообщения невозможно успешно управлять этой обширной страной и установить в ней необходимое единство”. Но в то же время его пугала мысль о том громадном капитале, который придется затратить для достижения этой цели: в особенности же его страшило то обстоятельство, что сооружение железных дорог возложит непосильное финансовое бремя на сельский люд, тем более, что Канкрин сомневался (и тогда эти сомнения были вполне понятны), что железные дороги пригодны для перевозки хлеба и сырья и вообще громоздких товаров.

Таковы задушевные чувства и мысли, которыми руководствовался Канкрин в своей литературной и государственной деятельности. Его желание служить общему благу было так сильно, что, даже совершая в последние годы своей жизни заграничные путешествия для восстановления своих надорванных сил, он ко всему присматривался, за всем наблюдал и заносил свои впечатления в путевые дневники. Когда погода не благоприятствовала посещению музеев, библиотек, парламентских и судебных заседаний, он читал. Всякая новая книга его интересовала. Он читает и “Путешествие на Урал” Гельмерсена, и “Историю Наполеона” Капфига, и “Июльскую революцию” Блана, и книгу Ранке “Папы XVI и XVII столетий”, и “Историю английских финансов” Пербера, и исследование Небениуса о “Понижении процента”. Относительно каждой прочитанной книги он делает остроумные и подчас глубокие

заметки в своем дневнике. Не довольствуясь этим, он сам пишет, возвращаясь к беллетристическим работам или подводя итог своей финансовой деятельности. Какая у него была деятельная натура и как быстро он работал, видно из того факта, что он начал писать свою “Экономию человеческого общества” уже после того, как с ним случился удар, 13 октября 1844 года, а окончил ее 9 февраля следующего года, то есть не проработал над ней и четырех месяцев. Это было уже после его отставки, последовавшей 1 мая 1844 года. Именно в начале этого года с ним сделался удар, сопровождавшийся злокачественною перемежающейся лихорадкою, и императору доложили, что жизнь Канкрина в опасности. Как только он несколько оправился, император посетил его два раза и между ними с глазу на глаз произошел последний разговор. После этой беседы государь согласился на его отставку, а летом того же года Канкрин отправился снова за границу.

Нам остается досказать уже немного. Отметим еще один отрадный день в жизни Канкрина. Будучи за границей, он постоянно искал общения с учеными, а в Париже посещал заседания Академии наук. Так и в год своей смерти он, по обыкновению весьма просто одетый, вошел в залу академии и занял место в числе слушателей. Араго, случайно заметив его, объявил во всеуслышание о его присутствии и торжественно поблагодарил его от имени ученого собрания за благородное содействие научным трудам, расширившим границы человеческого знания. Все члены Академии почтительно встали и пригласили Канкрина занять место между ними: они приняли его в свою среду как человека заслуженного перед наукой. В ответ на это Канкрин заявил, что неожиданная почесть, оказанная ему людьми науки, составляет “высшую и сладчайшую для него награду”. В его устах это не было фразою.

По возвращении летом 1845 года в Россию (ему за границею не жилось и, несмотря на настоятельные советы врачей, требовавших, чтобы он оставался в теплом климате, в самый год своей смерти он вернулся в Петербург) его ожидала трогательная овация. Бывшие его подчиненные наняли отдельный пароход, выехали ему навстречу в Кронштадт и с музыкою проводили его в Петербург. Он всегда был их любимым начальником, обращался с ними просто и дружественно, отвергал всякую официальщину. “Не люблю, батюшка, я этой официальщины, – говаривал он, – дело заслоняет и проволочку делает; где только можно, надо ее избегать”. Помнили они, как он приходил им на помощь во всех невзгодах, как он помогал их вдовам и сиротам, как он, когда по закону нельзя было им помочь из казенных сумм, потрясенный

видом человеческого горя, нервно бросался к своей конторке, говоря: “Закон надо уважать”, – и давал пособие или безвозвратную ссуду из собственных средств.

Он поселился в Павловске. Истощенный летами и непомерным трудом организм его не выдержал первой простуды: Канкрин заболел и умер в Павловске 9 сентября 1845 года. В последний день его жизни верная его подруга и жена читала ему исследование Коха по политической экономии, и почти до самого момента смерти он внимательно слушал. А незадолго перед тем он писал:

“В течение всей моей жизни, в веселые и горестные дни, я стремился лишь к одной цели: делать людям добро, содействовать успехам, заимствовать полезное, распространять знания и цивилизацию. Те, кто меня знает, могут сказать, достигли я чего-нибудь и в какой мере”.

Всякий, знакомый с его деятельностью, согласится, что он достиг многого и во всяком случае всего, чего мог достигнуть отдельный человек в эпоху, которую Пушкин назвал “веком железным”.

Он желал умереть, как он сам выражался, в “нашей дорогой России”. Прах его покоится на Смоленском кладбище.

Теперь прошло почти пятьдесят лет со дня смерти этого замечательного человека. Тем не менее не настало еще время для полной оценки его деятельности. Но кое-что окончательно выяснилось. Нам нечего здесь упоминать о личных качествах Канкрина, о его почти гениальной даровитости, доброте его сердца, честности, доходившей до ригоризма (когда в его присутствии кто-нибудь похвалялся своей честностью, он замечал: “Это производит на меня такое впечатление, будто он хвастается тем, что он – не женщина”), о его правдивости (на предложение составить свою автобиографию он отвечал: “Я слишком правдив, чтобы наслаждаться чувством своей правдивости”), о его железной энергии. Все эти качества в достаточной мере выяснились даже из этого краткого его жизнеописания. Мы хотели бы здесь только сопоставить его с другими деятелями его времени, чтобы окончательно выяснить его значение для нашей государственной жизни. Превосходил ли он своих сверстников, своих товарищей, тех государственных людей, которые трудились вместе с ним и, как он, заслужили общую благодарность, или же он им уступал? С кем можем мы его сопоставить? Нам кажется, – только с двумя деятелями: Сперанским и отчасти с Мордвиновым. Между Мордвиновым и Сперанским (мы не говорим о результатах их деятельности, а только о их настроении) гораздо более общего, чем между

Сперанским и Канкриным. Все трое преследовали одну и ту же цель; все трое ставили благополучие народа выше всего; все трое были люди бескорыстные и государственные деятели в истинном значении этого слова, потому что все трое признавали благо народа верховным законом своей деятельности и готовы были для него жертвовать личными выгодами. Но тем не менее между Сперанским и Мордвиновым, с одной стороны, и Канкриным, с другой, – громадная разница. Первые два были по преимуществу теоретиками, Канкрин был практиком до мозга костей, – но, понятно, не одним из тех узких практиков, которые отвергают теорию; нет, Канкрин, как мы видели, глубоко уважал и высоко ценил науку, опыт других народов и человечества вообще. Но в то же время он обладал необыкновенным даром применяться к данным условиям и, как бы они ни были неблагоприятны, достигать всего, чего только можно было достигнуть. Именно вследствие этого свойства ума он сделал в такое трудное время так много для блага народного, между тем как Сперанский и Мордвинов терпели на каждом шагу неудачи. В этом отношении Канкрин несомненно далеко оставляет за собою своих знаменитых современников. Глубже ли он смотрел на государственное дело, – это другой вопрос, на который мы не решимся ответить утвердительно. Воодушевленный горячим, страстным стремлением быть полезным своему второму отечеству и служить народному делу, он самому народу не доверял. Это чувство недоверия было в нем очень сложное. Верил ли он в будущность России? Безусловно. Он сопоставлял славянские народы с германскими и романскими и прямо пророчил славянским великую будущность. В государственном совете он нередко говорил своим противникам: “Вы постоянно толкуете, – что скажет Европа, а никогда не думаете о том, что скажет бедная Россия”. Он хотел знать только то, что скажет Россия; это его занимало по преимуществу, потому что в этом он видел возможность *реального* успеха. Он глубоко верил в конечный успех; он говорил, что Россия скоро доживет и до освобождения крестьян с землею, и до свободы торговли, и до многого другого, но в то же время в нем заметно было недоверие, и сильное недоверие к практической способности русского народа самостоятельно устраивать свои дела. Быть может, Канкрин сам был слишком большим практиком, чтобы относиться с доверием к практическим способностям других. Отсюда его раздражение против печати, против тех, кто торопил, кто мог компрометировать предпринятое им дело, отсюда его нерасположение приступать к смелым реформам и устранять помочи; ему казалось, что не настало еще время, что ребенок еще

не научился ходить самостоятельно. В его словах, в его действиях постоянно чувствуется это тайное недоверие не к народу вообще, а к практическому уменью его именно в данное время. Подождем еще немного, и вы увидите, как все устроится прекрасно; но теперь пока еще рано, пока надо еще подождать. Эта основная черта его настроения сказывается во всем. Любовь к русскому народу заставляет его совершать истинные подвиги самоотречения, проявлять неутомимую энергию, бесконечное трудолюбие, и в то же время чувство недоверия побуждает его лишать тот же народ возможности прийти ему деятельно на помощь. Вследствие того Канкрин, поощренный достигнутыми им великими успехами, хочет сам все делать, рассчитывает лишь на собственные свои силы, трудится за десятерых, не знает ни отдыха, ни покоя. Он совершает великую подготовительную работу, и благодаря его громадным дарованиям эта работа дает несомненные плоды: финансы приведены в порядок, кредит государства обеспечен, бумажно-денежное хозяйство устранено, промышленность и торговля оживают, возникают учебные заведения, техническое образование распространяется. Но и на него иногда находят тяжелые минуты раздумья. Он спрашивает себя: а что будет после меня? И тайный голос ему подсказывает: быть может, от всей этой кипучей работы, от всего этого самоотверженного и любовного труда останется немного. Это его грызет, это его мучит, и он не знает, как себе помочь...

Его тайные сомнения в значительной степени оправдались: и цветущие финансы, и сбережения, и металлическое обращение, – все это исчезло. Все было построено на дарованиях, на энергии, на самоотверженности одного лица, а в таких делах, как он сам говорил, отдельное лицо немного может сделать. Его суд по отношению к самому себе слишком строг. Он сделал так много, что беспристрастный исследователь жизни Канкрина не может не изумиться тому, что им сделано. И тем не менее он был прав в тайных сомнениях, иногда отравляющих его жизнерадостный и плодотворный труд. Вот тут и проявляется разница между Сперанским и Канкриным, – разница глубокая и заставляющая задуматься всякого просвещенного человека. Канкрин – это деятель, которому почти все удавалось, который на практике достигал изумительных результатов, и потому он относился сравнительно равнодушно к учреждениям; он больше доверял силам и способностям отдельного человека, чем незыблемости определенных порядков и учреждений. Сперанский же главным образом верил в силу учреждений. Когда он потерпел неудачу в главной цели своей жизни, он избрал себе более скромный удел, предоставив другим довершить то, что им было начато.

Непосредственная же деятельность, направленная к облегчению страданий русского народа, оказалась для него невозможною. Вероятно, та же участь постигла бы и Канкрина, если бы он сознательно не ограничил своей сферы деятельности и не избрал такой, где без него нельзя было обойтись, где должны были уважать его самостоятельность и где он в то же время мог трудиться для удовлетворения идеальных потребностей своей светлой души. Подводя конечный итог его жизни и деятельности, мы должны сказать, что он создал мало *прочного,* но тем не менее, несмотря на свои ошибки и заблуждения, принес громадную пользу. Когда речь будет заходить о тех наших государственных деятелях, которые в тяжелое время брали на себя защиту интересов нашего народа, – и отдаленнейшее потомство не забудет Канкрина, этого немца, не научившегося правильно говорить и писать по-русски, но горячо преданного русскому народу. Оно вспомнит, что во время Отечественной войны он в значительной степени облегчил финансовые тяготы, что он смело возвышал голос за освобождение крестьян с землею, что он, будучи министром финансов, проводил дни и ночи над расчетами, как бы ослабить податное бремя, что он, временно по крайней мере, восстановил металлическое обращение и этим пресек источник бесконечных потерь для громадного большинства русского народа, преимущественно сельского люда, что он осушил много слез, предотвратил много горя. Оно вспомнит все это и причислит немца Канкрина к достойнейшим сынам России, к тем людям, которые в очень трудное время не только желали, но и *сумели* облегчить страдания народа.

notes

Примечания

1

“Русские финансы во времена финансового правления графа Канкрина” *(нем.)*.

2

“Трактат о водном законодательстве” *(нем.)*.

З

жесткий, бескомпромиссный *(фр.)*

нерешительной, медленной *(лат.)*

5

“Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство” *(нем.)*.

6

“О военной экономике в военную и в мирную пору, а также о ее взаимосвязях с военными действиями” *(нем.)*.

бонвиван – человек эпикурейского склада, знающий толк в наслаждениях

8

Связанных со свободой торговли, невмешательством государства в частнопредпринимательскую деятельность *(англ.)*.

9

Кольбер, министр финансов Франции с 1665 года, добивался роста государственных доходов главным образом созданием крупных мануфактур, увеличением вывоза и сокращением ввоза промышленных изделий.